

Красные звезды

Федор Березин

Встречный катаклизм

«Махров»

2001

Березин Ф. Д.

Встречный катаклизм / Ф. Д. Березин — «Махров»,
2001 — (Красные звезды)

Это случилось в юго-западной части Тихого океана. Появившееся из ниоткуда авианосное соединение учинило страшный погром в непобедимом американском флоте, буквально стерло в порошок американскую же военную базу и – исчезло, растворившись в молочно-белом тумане... Кто же посмел бросить перчатку единственной сверхдержаве нашей планеты? Первым ответ на этот вопрос узнал Ричард Дейн, пилот истребителя, сбитого агрессивными пришельцами. На крыльях их самолетов были опознавательные знаки несуществующей страны. Союза Советских Социалистических Республик...

© Березин Ф. Д., 2001

© Махров, 2001

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	7
3	8
4	11
5	13
6	14
7	15
8	16
9	17
10	19
11	20
12	22
13	23
14	26
15	27
16	28
17	29
18	31
19	32
20	34
21	36
22	37
23	38
24	39
25	42
26	46
27	47
28	49
29	50
30	53
Часть вторая	54
1	54
2	55
3	57
4	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Федор Березин

Красные звезды. Встречный катаклизм

*Посвящается моему отцу —
Дмитрию Федоровичу —
строителю Байконура
И сумбурные мысли,
Лениво стучавшие в темя,
Всколыхнули во мне —
Ну попробуй-ка останови.
И в машину ко мне
Постучало военное время.
Я впустил это время,
Замешенное на крови.*
Владимир Высоцкий

Часть первая

Вселенная пузырится

*Одни его лениво ворошат,
Другие неохотно вспоминают,
А третьи даже помнить не хотят,
И прошлое лежит, как старый клад,
Который никогда не раскопают...
...С налета не вини — повремени!
Есть у людей на все свои причины.
Не скрывать, а позабыть хотят они:
Ведь в толще лет еще лежат в тени
Забывшие заржавленные мины.*
Владимир Высоцкий

1

Ближний космос

Кто помнит советских космонавтов поименно?

Давно миновала та славная эпоха, когда профессия космонавта ассоциировалась со звездолетчиками «Туманности Андромеды», а поэт, сочинивший «Закурим, друзья, перед дальней дорогой», становился лично известен Никите Хрущеву. Пришли новые времена — прагматически-товарные, и покорители Вселенной уступили первенство в народном сознании высокогрудым певуньям, жуящим жвачку под фонограмму. Да и много стало тех космонавтов, подвиг их бессмертный как бы размазался, обезличился. Канули в Лету моменты, когда весь мир задерживал дыхание, наблюдая возвращение в океан Земли капсулы с астронавтами, запылившими свою обувь в море Дождей; в пропасть истории канули месяцы, когда миллионы людей следили за путешествиями «Лунохода-1»... Сейчас хоть на Марс, хоть на Плутон запусти посудину с экипажем на борту — кроме специалистов, никто бровью не поведет... Но нет, все же могут быть исключения! Если не дай бог случится неприятность, сравнимая, например, с трагедией «Челенджера», и притом будет хорошо и эффектно заснята со стороны. Мой вариант

– экспедиция в пояс астероидов, допустим, на Цереру, там авария и медленное умирание от удушья в течение пары месяцев, при этом ежедневная трансляция прощаний с родственниками и детьми. Вот это, пожалуй, может затмить некоторые сериалы на какое-то время. Ну а если в экипаже будет еще и женщина, это сразу привлечет к трагедии всеобщее внимание. Хорошо бы ей до полета быть биологом каким-нибудь, разводить хрюшечек либо белых мышат, а всего лучше – воспитателем детского сада. Можно крупным планом продемонстрировать бывшее место ее работы, подопечных-крохотулек – хомячков или детей. Зрители будут рыдать, киношники собирать взносы на памятник, придворные писатели бегать с идеями написания биографии томов в пять. Хорошо показать мамулю капитана корабля, стойко переносящую тяготы и мирно копающуюся в огороде перед скромным домишком. А затем можно, чтобы придать ситуации дополнительную остроту, найти волшебный способ добывания воздуха с поверхности этой самой Цереры (ясное дело, кислород надо заранее прихватить с собой)... Вот после всего этого космонавтов будут ждать с нетерпением, вырастет популярность новостных программ. Самая лафа для рекламы!

Теперь о деле. Ясно, почему начало функционирования международной орбитальной станции «Альфа» прошло без шумихи? Тихо и мирно стала она делать свою работу. Не спеша сменялись там экипажи и привинчивались новые отсеки-лаборатории; повседневно и буднично огибала она Землю-маму по законам Кеплера; притирались на ней друг к другу «дети разных народов»; посещали ее иногда конгрессмены, обеспечивая себе космические каникулы за деньги налогоплательщиков, а иногда миллионеры, но эти, правда, за деньги своих компаний. Поговаривали и о вояже президента, но до момента, когда будут говорить: «Наш президент в космосе уже был, а ваш?» – еще далеко.

Сейчас на «Альфе» работали: пять американцев, англичанин, двое русских, китаец и японец. В общем, славный дружный экипаж. В данный момент не все находились внутри: два штатовца разворачивали за бортом в вакууме большую антенну радиотелескопа. Почти весь остальной экипаж был занят созерцанием этого забортного конструирования на мониторах. Лишь два других американца проводили в модуле-лаборатории эксперимент, связанный с какими-то излучениями. Вообще-то, их опыт не касался непосредственно военно-геополитических вопросов, это был скорее эксперимент по физике вакуума, но тем не менее он имел гриф секретности.

Один из русских, находящийся уже третьи сутки в биологическом модуле и официально исследующий, как ведут себя вирусы СПИДа в невесомости, занимался прослушиванием разговора американцев-физиков, а также подсматриванием за ними. Информация в его биомодуль поступала по замаскированному восьмидесятиметровому световоду от микрокамеры, собранной в Казани из швейцарских комплектующих.

Китайцы и японцы также занимались какими-то своими азиатскими делами.

Словом, в ближнем и дальнем космосе царил мир.

2

Пловцы

Иногда морозной зимой я представляю себе перегретые солнцем пляжи, теплые коралловые моря, водичку – парное молоко, блаженство купального сезона. Однако все хорошо в меру. Когда вода без края, волны до горизонта и щекочущая нервы бездонность под ногами – купаться уже не так весело. А через несколько часов полоскания, когда солнечный диск по-тропически резво ныряет в пучину и граница между водой и воздухом исчезает, тогда горе натурам с необузданным воображением – вся пустота внизу населяется бесчисленными щупальцами и зевами зубастой, ненасытной плоти. Ставлю сто пиастров на бочку – слишком впечатлительным созданиям, оказавшимся один на один с океаном, не дотянуть до рассвета: шевелящаяся жуть из голов переселится в реальность – заморозит судорогой бицепсы, трицепсы, голени, а потом страх закупорит сердечные клапаны. И вселенная их схлопнется, коллапсирует внутрь.

Тем не менее быть тупым валенком в подобной нештатной ситуации тоже не советую. Самое надежное – эдакий промежуточный вариант – подвижный разум, прихлопнутый крышкой практицизма, достаточно тяжелой, дабы не сорваться от кипения мыслей. Плавание стилем брасс в течение часов трех-четырех кряду уверенно помогает отупеть в достаточной степени. Настоятельно рекомендую всем нуждающимся. В отличие от водки – полезно для организма.

Так вот, к чему все высказанное? Это только присказка, в действительности не было никакого промежуточного варианта с падающим в море солнышком – сразу вода по уши и темень туманом. И тогда из четырех десятков оказавшихся посреди ночи в воде, в неясной точке безбрежного моря-океана, без всяческих плавательных средств, включая круги спасательные, доски и пляжные топчаны, – до скоротечной зари тропиков дотянули только двое. Остальным не повезло, хотя настоящие акулы на них не охотились, а про тех, что жили в их головах, мы не ведаем.

Двоих полудохлых американцев подобрало на рассвете новозеландское рыболовное судно, предварительно едва не протаранив их носом. Им чрезвычайно повезло, потому как об их местоположении никто ведать не ведал и никаких спасательных работ в этом районе не планировалось. Еще им подфартило тем, что, выйдя поутру на палубу, старый капитан Ко Миноо решил плюнуть за борт, а не как обычно – на палубу под ноги.

Обоих спасли.

3

Полет по плану и без

– Ваша задача – произвести разведку в указанном секторе и передать информацию, вы меня хорошо поняли? – вот такая фраза завершила монолог начальника авиакрыла, перед тем как за спиной зарезанными монстрами взвыли двигатели и спрессованная мощь урагана подбросила «Харриер» вверх, в серо-голубую пустоту. И немножко замерло сердце, когда – Ричард Дейн не почувствовал, а догадался: устойчивая, вознесенная над волнами палуба оставила его один на один с железным преданным рабом, стремительным джинном, охватывающим его твердой скорлупой безопасности. И только щеки тряслись от стартовой вибрации и оттягивались книзу, а внутренности напрягались, как будто имели мышцы, – отвратительная плата за медлительность вертикального взлета.

А затем стало легче и было парение, но снова не осталось времени насладиться – все без остатка поглощала работа. Плановая и сверхурочная, подбрасывающая всяческие каверзы. Например, у него пропала связь с Центром управления воздушным движением, хотя он не высунулся из стокилометровой зоны его власти над миром. А когда Ричард Дейн вызвал его старшего брата – боевой информационный центр, тот тоже не отозвался. И тогда стало прямо-таки весело от удивления.

Ну а когда отказала система ориентации ТАКАН, он на короткий момент ощутил себя зеленым самоуверенным курсантом, на чью голову опрокинули ушат холодной воды первого проигрыша компьютерной программе-обучалке. Но он уже проверил себя, свои предыдущие действия, на сбой и аппаратуру джинна – тоже на сбой, и даже несколько растерялся – все он делал правильно. И джинн его поражал здоровыми рефлексам, а значит, причина была другая. И обобщая – хотя не его дело было обобщать и делать выводы, он должен был только вести своего джинна-коня куда следует – можно было связать эту причину с готовностью номер «один» и с тем, что с далекой теперь палубы «Рональда Рейгана» поднимались новые джинны. Теперь он знал, что послан не зря, что от добытой и переданной на авианосец информации зависит, куда разрядится эта копящаяся славная мощь (и разрядится ли?), не будет ли брошена в прошлое, оседая на шумную палубу, давясь начисто пружинами аэрофишинеров.

Да, он имел сейчас такую власть – обнаружить первым что-то, что вывело из дремы повседневности их АУГ – авианосную ударную группу. Что же это могло быть? Что могло помешать нормальному функционированию системы спутниковой ориентации? Что могло произвести все эти чудеса с исчезновением сигналов с командного пункта? Каждое из событий и само по себе могло значить многое, но в сочетании с тем, что за двадцать минут до его взлета пропала связь с дежурным самолетом радиолокационной разведки, а затем сгинули, растворились в молчании два дежуривших в «пятиминутке» «Томкета», могло значить только одно – враждебные действия.

И он летел, сознавая свою ответственность и гордость за поручение. Хотя связь отсутствовала, у него был исправный прибор – локатор переднего обзора. Недавно в расстилающемся туманном низу он нащупал им эсминец «Гурон». Он так и не воспринял его визуально, но автоматическая запросная система «свой – чужой» опознала, квалифицировала и доложила. И хотя сам пилот не обменялся с капитанским мостиком «Гурона» ни единой фразой, он знал, что на судне его тоже опознали, вплоть до серийного номера. И это было здорово, он ведал, какие противосамолетные вещицы расставлены по палубе канувшего в тумане корабля.

И даже эта необычная составляющая полета – молчание эфира – заполнение его, вместо степенных и уверенных голосов людей, знающих свое дело, шелестом, шорохами бессвязной космической пустоты – стала уже в порядке вещей, нашла свое место в нише сознания, начала учитываться в книге происшествий памяти как постоянный действующий фактор. И неска-

занно плотный туман внизу, эдакий сироп, пускающий корни и разбрасывающий мокрые ветви на окружающий мир, желающий покорить небо без реактивных двигателей, выталкивающий вверх свои монбланы невидимости, даже он начал отображаться в голове как вполне естественное явление – все, мол, бывает. И все это благодаря синхронности, четкости работы систем истребителя. Становилось даже жаль, что, мол, вот ничего и не случилось. Так, может, у тех, пропавших самолетов тоже всего лишь неполадки в работе связи? И разбираться в этом происшествии не ему, а людям более знающим? А ему, к сожалению, не придется даже включать свою сложную технику, подвешенную с боков, – все эти камеры широкого и точечного обзора, все эти инфракрасные объективы, все эти лазерные и радиофиксаторы с самонастройкой.

Вот тогда это и случилось. Ничего особенного, просто загорелся «желтый глаз» – индикатор, говорящий, что на родном «Харриере» сконцентрировался луч локатора. Не просто скользнул вдоль и унесся по бесконечной дуге, обгоняющей свет, а именно схватил в автоматическое сопровождение, потому как если бы не автоматика, то истребитель-разведчик только за счет своей скорости мог бы запросто выйти из луча.

Нет, Ричард Дейн не завалился набок, совершая разворот, не взмыл свечой вверх, демонстрируя неизвестности брюхо, не клюнул носом вниз, пытаясь сбить с толку эту, пока неопознанную автоматическую машину, излучающую радиочастоты, нет! Он просто включил некоторые из агрегатов, подвешенные к корпусу самолета, потому что истребитель «Харриер», кроме умения взлетать с небольшого пятачка, отличался еще тем, что все его вооружение цеплялось на внешних узлах. А после этого Ричард Дейн продолжил полет по прямой как ни в чем не бывало. Ведь для этого его и послали, для этого и подвесили многочисленные контейнеры, а не ракеты – его работа заключалась в сборе информации. А излучение локаторов не просто информация, а важнейшая информация.

Так он и летел, и «желтый глаз» то потухал, то загорался, отражая, конечно, не потерю его изображения в экранах неизвестных операторов, а просто выполнение каких-то защитных программ. Те внизу (он уже знал, что передающая станция находится на поверхности моря) страховались, боялись его или просто выполняли инструкции. И еще те внизу не отвечали на сигналы автоматического запросчика, а их локатор не идентифицировался, не сопоставлялся ни с чем известным. Становилось интересно.

Из состояния полной поглощенности своим научным подвигом Ричарда Дейна вывело новое происшествие. Судя по приборам, теперь он находился в перекрестии не одного, уже привычного, а вдобавок еще двух локаторов. И оба новичка сами перемещались, и очень быстро. Их бесшумный для человеческого уха рев, их не видимый для людей огонь набирал мощь. Все это квалифицировала, разбивала на дискретные части аппаратура, подцепленная под крыло. Это были маленькие, мощные штуковины, которые размещались только на военных самолетах. И неважно, кто это был, потому что их молчание в ответ на неслышимый вызов системы опознавания, их спокойное игнорирование ее попыток диалога говорили все. Если бы Ричард Дейн летел на «Харриере» в варианте истребителя, если бы сейчас шла война, он бы уже не раздумывал. Он и сейчас не очень долго размышлял, просто уточнял расстояние, прикидывал возможность применения ими оружия. До них было уже сорок километров, когда он, подумав, решил на одно действие, не соответствующее его разведывательной миссии, – он включил габаритные огни, а затем выдал в их сторону короткий импульс бортовым локатором. «Я вас вижу, ребята, может, все-таки будем играть по принятым правилам? Сойдите с боевого курса, вы пойманы с поличным!» – вот что говорил его сигнал любому пилоту. Но им было наплевать.

И тогда он глянул на экран, оценивая ситуацию по отражению собственного луча, и похолодел: их уже было не двое, тех летающих незнакомцев, их было четверо. И новые двое шли с еще большей скоростью и имели совсем маленькие отражающие электромагнитную энергию

поверхности. Это были не истребители-бомбардировщики неясной национальности, это были боевые ракеты «воздух – воздух».

И вот тогда он рванул своего боевого джинна вверх, подставляя брюхо бешеному потоку неощутимого ветра, и пошел прочь, в высоту, из этого противного тумана-молока. А еще он включил «лису» – один из небольших контейнеров под крылом, в котором покуда покоились законсервированные электрические чудеса, запутывающие аппаратуру наведения ракет.

Позади «Харриера» сыпались, засоряли атмосферу мельчайшие частицы фольги, только что пущенной под автоматический нож, режущий ее с точностью до десятых долей миллиметра. Техника всего лишь делала, что могла, соизмеряла длину рубящихся пластин с длиной волны, орошающей сейчас корпус самолета. Но знаете, сколько килограммов этой микровзвеси нужно было распылить в туманном мареве, дабы замаскировать четырнадцатиметровый корпус истребителя? Успокою ваше обиженное «я», сейчас этого не мог знать никто. Откуда можно было догадаться о чувствительности вражеских локаторов? Просто это был один из методов радиоэлектронной борьбы, один из самых простых и примитивных методов, между прочим. Другие были сложнее и тоже использовались. Был ли толк? Все может быть.

До его новых, любящих сюрпризы «друзей» было уже недалеко – двадцать километров. Они стремительно набирали высоту, ища встречи. Только зачем им было это надо, непонятно. Может, они очень хотели посмотреть агонию «Харриера» вблизи? Их ракетные посланцы, их боевые стрелы, резали воздух где-то впереди и шли все еще навстречу, потому что Ричард Дейн никак не мог завершить свой маневр изменения курса на противоположный – так неповоротлив был его «Харриер». Текли секунды, он уже не знал, где небо, а где земля, так много раз он кувыркался и так хотел сделать эти трюки еще быстрее. Что значила его акробатика для искусственно эволюционирующего железа, маленький мозг которого замыкала накоротко магнитная тень его самолета? В смысле потери боевого сопровождения – абсолютно ничего не значила. Но, несмотря на критическое положение, пилот Ричард Дейн продолжал фиксировать окружающую действительность. Он засек на пульте управления новую добавку к ландшафту (не к ландшафту, конечно, а к «стране зеркал» – стране радиоотражений) два импульса, два сигнала, два луча, два друга-товарища, метки-сигналы опознавания и сигналы-ответы – там за ним следовали свои родненькие «Томкеты». Попутно Ричард Дейн сделал одно дельце – он выскочил из этого упругого, растекшегося по округе тумана-молока.

Вот здесь в ярком свете дня он их увидел...

Далекие черные точки на сером фоне. Но он-то их опознал...

Это были «МиГи-29»!

Стало очень весело, исчезла неопределенность, и стала ясна дальнейшая тактика, потому что два его маленьких друга, любящие его «Харриер» больше собственной жизни, оказались совсем рядом. И теперь, учитывая, к какой марке приблизительно они относятся, можно было чистосердечно прогнозировать результат. Перед нажатием кнопки катапультирования он сделал только одну вещь – сбросил подвесные контейнеры с разведывательной аппаратурой.

4

Деловая рутина

Роман Владимирович Панин, старший лейтенант и контрразведчик, работал. Работа была сидячая и заключалась в перекладывании информации, содержащейся в разложенных на столе документах, с бумажного носителя на нейроны лобных долей головного мозга млекопитающего российского офицера. Работа была не тяжелая – не сравнить с толканием вагонеток вдоль шахтного тоннеля, однако и не совсем легкая – не детектив же он читал. Самое главное – она была скучна. Да, то, что было разложено перед ним, могло послужить материалом для детектива, но сколь жалок был бы этот детектив, сколь мелковат по сюжету и сколь обыден. Речь шла о спиртном, о каких-то незаконных бартерах, о неких акцизных марках, об уклонении от налогов и всякой подобной ерунде. Воистину, размышлял Панин, для того чтобы такая муть стала интересной, надо впасть в одну из крайностей: либо обратиться в бесчувственного муравья, либо иметь воображение, уносящее хозяина в неведомые дали и способное из мухи сделать слона. До чего довели ведомство, какой мелочовкой мы теперь занимаемся. Нет, понятно, что экономика определяет многое, но неужели уже не воруют военных тайн? Неужто уже все спрятанные некогда под сукно и испещренные грифами секретности разработки бывшей родины разворованы? Но даже случись расследование такого уровня, что толку? Вон, десять лет назад, раскопали дело сумасшедшей важности – продажу блоку НАТО целехонького и новехонького комплекса противовоздушной обороны, с ракетами, локаторами и двумя «КамАЗами» секретной литературы, и что? Ладно, никому из участников расследования медаль не дали, бог с ним, уже привыкли, но ведь главное – никто не наказан. Не то что головы, даже волосы не полетели, отстриженные где-нибудь в Матросской Тишине. А ведь все фамилии – вот они, подшиты. Ладно, не наказали за предательство, а ведь предали с потрохами безопасность не только своей страны – сейчас такими комплексами снабжены все бывшие республики и половина канувшего в Лету Варшавского Договора. Но хоть за головотяпство можно было наказать? Шестьдесят миллионов долларов отхватили, да и то не в карман государства – в собственный безразмерный. А цена тому комплексу, даже по себестоимости – полмиллиарда. А учитывая, что после пришлось срочно его дорабатывать – коды всякие и частоты менять, дабы снова сделать смертельно опасным для враждебной авиации, – вылилась та сделка в очередную гигантскую дыру в бюджете. И ведь даже пресса это дело ни черта достойно не осветила и упомянула ли вообще, с трудом вспоминается. Понятно, что обыватель наш задуренный больше интересуется, какого цвета трусы носит какая-нибудь рок-звезда, да и носит ли вообще. Но все же – обидно. Продано с потрохами за тридцать сребреников мирное небо сотен городов. И что? Всем по фигу! Абсолютно! Часовой на посту или даже сторож ограбление склада проспит, его все-таки накажут, а здесь – полный ажур.

Не принято сейчас прошлое добрым словом вспоминать, но как удержаться, продолжал размышлять Панин. Где были бы сейчас те разбогатевшие взяточники после такой доблестной сделки? Уж поверьте, не сразу бы они попали на освоение Колымы. Сиживали бы они поначалу в подземных лабиринтах Лубянки и распухшими от воткнутых иголок пальцами подписывали бы признания в сотрудничестве с Интеллидженс сервис, или МОССАДом, или абвером, или со всеми сразу. А статьи-то какие им бы подсунили – любо-дорого взвесить термины на языке: «шпионаж», «космополитизм», «очернение выдающихся достижений...», «распускание слухов, порочащих...», «расхищение», «участие в заговоре», «попытка отравления главы государства ртутью посредством разбивания градусников» и, наконец, просто и со вкусом – «вредительство».

Панин снова обратился к разложенным бумагам. Водка без акцизов, ну-ну. Ничем же не хуже официально оформленной, даже чище – сам попробовал из интереса, – тем более, экспертные оценки прилагаются. Как мелко, черт возьми.

Да, была ранее масштабность. Были люди в наше время...

5 Заплыв

Когда Ричард Дейн обрел в полете устойчивость, подброшенный кверху расширяющимся куполом, он осмотрелся. Момент развала на части его собственного «Харриера» он не смог наблюдать: во-первых, не успел, а во-вторых, купол закрыл всю небесную сферу. Зато он видел, как из тумана вынырнули родные «Томкетты», и видел, как они произвели недолгие выкрутасы – акробатический этюд с опасным финалом. Видел этот финал – короткие вспышки и темные облачка плесени. Были «Ф-14», да сплыли. А потом он нырнул в белесый туман. А еще позже – в обрезанные ножницами тумана морские просторы, и стало холодно. И стало нужно делать только одно – плыть.

И длилось все очень долго, и он все плыл. Не для того, чтобы куда-то добраться: он что, Тур Хейердал – пересекать океаны? Так, дабы согреться. Согреться да отвлечься. Потому что странные мысли лезли в голову, оплескиваемую соленой водицей.

А испугался он только раз. Seriously испугался, гораздо больше, чем перед попаданием в самолет российских ракет. Это когда из тумана, из обрезанного горизонта теперешнего бытия, выползла чудовищная, черная стена железа. Она длилась вширь, обоими концами теряясь в никуда, и длилась вверх, загораживая невидимое небо. И сердце забилось чаще, и он уже собрался пустить в верхотуру сигнальную ракету из непромокаемого контейнера. Собрался зажечь шашку-дымовуху, но что-то сдержало, хотя что это могло быть – такое гигантское и движущееся, кроме родного тела авианосца «Рональд Рейган»? Цвет, цвет корпуса – вот что заставило замереть, пожалеть о красной, вызывающей раскраске самонадувающегося спасательного жилета. А стена шла и шла мимо, в каких-то десятках метров. И там, наверху – задирая голову, он уже различал край, – там не было людей, правда, даже если бы захотел, он бы не увидел их отсюда.

Он очухался, когда закачался на искусственной волне, такой большой, что задавила беспokoящие его природные образования, и ветер стих, остановленный левиафанским корпусом. И тогда Ричард Дейн закричал, призывая громадину остановиться, обратить внимание на тонущую, желающую жить букашку. Он кричал долго. Порой ему казалось, что кто-то там отзывается на его старания и сейчас ринется в небо вертолет-спасатель. Но случилось иное: сверху свалился, выпрыгнув из ниоткуда, рев садящегося на палубу самолета. Мелькнул и растаял, рубанув воздух, убил все на свете звуки в округе.

И Ричард Дейн остановил свой крик-мольбу, свою СОС-импровизацию, свои попытки зажечь капсуль не от звона в перепонках – он четко разглядел опознавательные знаки на крыльях «МиГа». Это были знаки давно похороненной страны, существующей в истории, а не в реальности. Это были опознавательные знаки с серпом, молотом и красным кумачом. Это был не российский авианосец, это было гораздо хуже.

Если бы Ричард Дейн мог нырнуть, он бы сделал это, но ему очень мешал спасательный жилет.

6

Бумажная рутина

Роман Владимирович Панин все еще пыхтел над документами, когда дверь его кабинета открылась.

– Да? – поднял он голову, в душе радуясь возможности отвлечься.

Явился непосредственный начальник, майор Воронкевич.

– Садись, Роман, – махнул рукой начальник следственной группы. – Ну, что там у нас с этой водярой?

– Разбираемся помаленьку, Иван Денисович. Да, в общем, ничего особенного, не научились еще наши доморощенные Аль Капоне слишком хитро прятать концы в воду.

– Лады.

– Вот, взгляните, я тут вчерне набросал схемку отмывания денег.

Воронкевич поморщился:

– На бумаге? А компьютер на что?

Воронкевич наклонился над столом. Некоторое время они обсуждали проблему, хотя майор больше слушал.

– Ну что же, – поднял он в конце концов голову, – правдоподобно. А теперь вот что, Роман Владимирович. Перенеси-ка все это в файл. И все свои идейки по этому поводу туда же. Ведь надоела тебе эта рутина до жути, верно?

– Надоела, Иван Денисович, что говорить, но ведь кто-то должен?

– Правильное направление для выработки силы воли, – хмыкнул Воронкевич. – Но появилась тут у нас срочная надобность, нужны люди с широким кругозором, со знанием английского на всякий случай, и холостые, дабы меньше в отпуска просились. Ну и с допуском высокого ранга. Готов?

– Так точно.

– Вот и ладно. До конца дня привести в порядок дела, как я уже сказал, сдать в «секретку» папочки и потом ко мне в кабинет. Ну, и не для тебя повторять, конечно, – язык держать за зубами.

– Да, понятно, товарищ майор.

7

С пристрастием

– Значит, вы утверждаете, что самолеты, сбившие вашу машину и еще два истребителя, были советские? – в интонации контр-адмирала сквозило презрение.

– Да, – стараясь держаться спокойно, произнес Ричард Дейн.

– С какого расстояния вы наблюдали истребители противника до катапультирования?

– Километров с восьми.

– И вы хотите сказать, что с восьми километров различили их тип и их опознавательные знаки?

– Нет, опознавательные знаки я, конечно, не видел. Я их видел потом...

– Значит, не видели?

– Я все изложил письменно, сэр.

– Что вы на это скажете? – обратился командир авианосной ударной группы к главному корабельному врачу командеру Сиприани.

– Пилот Ричард Дейн абсолютно здоров. Вы хотите узнать, говорит ли он правду?

Контр-адмирал обвел присутствующих повелительным взглядом:

– Кто хочет высказаться?

– Разрешите, – вызвался начальник разведки корабельного соединения лейтенант-командер Трисель. – В оперативном просторе нет никаких морских соединений, кроме нашего, тем паче авианосных, однако мы знаем о случившемся. Как бы я хотел объяснить все помешательством одного летчика, но... Два «Хокая», шесть «Томкетов» и еще его разведывательный «Харриер».

– О случившемся сообщено куда следует, я думаю, штаб Седьмого флота или политики уже занимаются выяснением, что здесь плавало двое суток назад.

– У меня есть вопрос к лейтенанту. Вы уверены, что сбросили контейнеры с аппаратурой в океан?

– Да.

– И они успели отделиться от самолета?

– Думаю, успели.

– А вы видели под собой парашюты?

– Нет, кажется, не видел.

– Позвольте мне, – подал голос командир авиационного звена кэптен Бак Армстронг, – я чуть поясню. Даже если после отделения от самолета контейнеров до отделения кресла прошло секунды три, это все равно более двух километров.

– Я понял вас, – скривил лицо контр-адмирал, – но наш герой опознал самолеты на бог знает какой дистанции, а здесь, напротив, простые, вовсе не скоростные цели – и он их совсем не видел.

– Могли не раскрыться парашюты, – не выдержал Ричард Дейн.

Контр-адмирал Джедд Галлоуген холодно смерил его взглядом сверху донизу.

– Вы сбросили не один контейнер, а несколько, так? Неужели не раскрылось у всех?

«Господи, – тоскливо подумал Ричард Дейн, – сколько это может длиться». После катапульты, после двенадцати часов, проведенных в воде абсолютно без надежды, после больничной палаты, он совсем не радовался этим милым допросам. Да, командование можно было понять, но почему оно не хотело понять его?

8 Меры

– Господин посол, наше правительство очень обеспокоено инцидентом, произошедшим на островах Фиджи, а также еще некоторыми случаями последнего времени в акватории Тихого океана, – обратился к российскому представителю посланник президента Соединенных Штатов Америки.

– Наше правительство тоже интересуется кое-что произошедшее в последние дни в нейтральных водах. Кроме того, оно обеспокоено повышенной активностью американского военного флота. Как вы, разумеется, помните, между нашими странами существует договоренность заранее предупреждать о готовящихся учениях, масштабами превышающих полковые, а во флоте – о любых, осуществляемых вне территориальных вод.

– Да, конечно. Американское правительство досконально соблюдает данное соглашение. Но в настоящее время произошли чрезвычайные происшествия.

– Что же это? – Российский посол сохранял абсолютно невозмутимое выражение лица, хотя его американские собеседники догадывались, что разведка России уже о многом пронюхала.

– Вот фотоматериалы, а вот предварительные выводы специалистов. Наше правительство вынуждено настаивать, чтобы вы отнеслись к этим документам серьезно и изучили их быстро. Если бы дело не требовало величайшей срочности, если бы оно не касалось безопасности Соединенных Штатов Америки, можно было бы не торопиться. Хорошо, что ничего из этого пока не просочилось в прессу. Однако ваши военные наверняка уже имеют представление о повышении уровня готовности нашего флота. Кроме того, предупреждаем: наши военные корабли будут вынуждены задерживать и досматривать любые ваши суда, идущие вне графиков или же без заблаговременного предупреждения в оговоренных документами секторах.

– Извините, но последнее является произволом, и, если произойдет задержание какого угодно российского судна, даже работающего по фрахту, это может вызвать осложнения в наших отношениях.

– Простите, господин посол, я всего лишь чиновник, я передал то, что мне приказано. Сейчас я вынужден удалиться. Еще раз повторюсь: американское правительство выражает надежду, что вы отнесетесь с должным вниманием и срочностью к переданным вам документам. Со мной либо с любым другим представителем администрации президента, поставленным в известность о случившемся, вы можете связаться в любое время.

9

Чуткость к людям

Ричард Дейн вошел в незнакомое помещение где-то во внутренностях гигантского корабля. Он служил на авианосце «Рональд Рейган» уже два года, но все равно не мог знать здесь всех закоулков. Он ни разу не бывал даже на некоторых уровнях, а не то что в какой-то из кают. Когда все расселись, контр-адмирал Галлоуген обратился к Ричарду Дейну:

– Господин лейтенант, как истинный моряк и солдат, я должен смотреть на вещи трезво. Публично и чистосердечно приношу вам свои извинения. Мы получили некоторые подтверждения вашей информации, – он обвел присутствующих взглядом. – Теперь напомню всем о неразглашении того, что здесь будет сказано. Для остального личного состава – все в свое время. Итак, вчера в море Коро атакована наша база Форт-Кук.

– Кем атакована, сэр? – спросил Ричард Дейн, так как пауза затянулась.

– Нападение было осуществлено с моря, а может быть, и с воздуха. База Форт-Кук полностью уничтожена. Практически весь личный состав погиб. Пока не ясно, остался ли там кто в живых. Так что со свидетелями опять туго. Те, кто это сделал, убрались восвояси.

– А гражданское население? – обеспокоенно осведомился командер Нат Стаатс. – Я служил на Форт-Кук. Хоть база и очень невелика, но там же несколько сот гражданских специалистов.

– Похоже, гражданское население тоже погибло.

– Господи, – сказал кто-то очень тихо.

– Случай очень похож на наш. Вначале обрыв связи. Несколько часов. Сплошные помехи. А когда на место прибыл посланный для выяснения «РС-135В», все уже было кончено. Сплошные пожары и развалины.

– Их разбомбили? В смысле ракетный обстрел? – опять поинтересовался Нат Стаатс.

– Нет. Точнее, и это тоже. Мощный ракетно-артиллерийский удар с моря. И вроде бы имеются следы высадки на берег крупного десанта.

– Какой может быть десант – там же истребители? Станция радионаблюдения. Там куча самолетов-заправщиков, как я помню... – не унимался Стаатс.

– Да, заправщиков там было около двадцати штук. Тут же на взлетных полосах они и сгорели. Дыма было столько, что вначале посланный «Боинг»-разведчик, кроме него, ничего и не обнаружил. Теперь самое интересное. В настоящий момент следов какого-либо морского соединения в море не найдено. Остров сейчас осматривается.

– И кто же, черт возьми, это был? – проронил командир штурманской части капитан второго ранга Карнеби.

– Я вам не сыщик Шерлок Холмс или лейтенант Коломбо. По поводу происшедшего флоту даны следующие общие указания: готовность повышена до уровня «боевой», а российские суда в акватории Тихого океана должны досматриваться.

– Русские могут квалифицировать это как пиратские акции и не подчиниться, – встрял в разговор начальник разведки соединения командер Трисель. – Что, у командования флота есть серьезные основания подозревать русских?

Джедд Галлоуген проигнорировал его замечание и продолжил:

– Еще. В момент нападения над местом боя проходил спутник. Мне не сообщили его марку и тип, что-то донельзя секретное, как я понимаю. Я даже в этом уверен. Нечто законсервированное на орбите на всякий пожарный случай. Что-то из происходящего внизу разбудило его аппаратуру наблюдения. И вот он заснял сверху район боя. Видимость очень плохая, и не знаю уж, в каком диапазоне он снимал, но мне важен вывод. В деле участвует куча кораб-

лей – небольшой флот. Два авианосца, несколько сравнимых по размерам кораблей. У берега десантные суда, возможно, плавающие танки или транспортеры, может, то и то вместе.

– Откуда это все взялось? – спросили хором сразу два командера – Спаатс и Сиприани.

– Не знаю. Теперь подумайте, какая страна способна сейчас осуществлять крупномасштабную морскую десантную операцию вдали от собственной территории.

– Пёрл-Харбор, – заметил кто-то из присутствующих.

– Но зачем, черт возьми, России нужны острова Фиджи?

– Еще раз говорю, не знаю, – отрезал контр-адмирал. – И напоминаю еще раз, держите язык за зубами. – Он повернулся к самому младшему по званию: – А вас, лейтенант, срочно требуют наверх. Как свидетеля, понятное дело. Транспортный самолет на палубе, на сборы десять минут. Управитесь?

– Так точно, сэр!

– И вот еще что, эсминец «Гурон» подобрал в море один из ваших контейнеров.

– Какой?

– Не тот, что с радиолокационной аппаратурой, к сожалению. С фототехникой, но спецы говорят, там есть кое-что интересное. Этот непонятный туман – какая-то странная, малопроницаемая штука.

– Да?

– Всё. Свободны, лейтенант. Не поминайте лихом.

10

Любезность

Новая встреча посла России и представителя президента США состоялась в полдень.

– Правительство Российской Федерации, – зачитал с листа посол Иван Евгеньевич Титуленко, – крайне обеспокоено произошедшими в последнее время событиями. Изучив предоставленные американской стороной материалы, оно убедилось в серьезности возникшей проблемы. Однако по-прежнему непонятно, почему в случившихся в океанических просторах происшествиях американское правительство косвенно обвиняет Российскую Федерацию. В связи с этими необоснованными нападками наше правительство официально заявляет протест. Но, учитывая, что сейчас происходит секретное разбирательство, мы оставляем за собой право объявить о своей ноте в средствах массовой информации тогда, когда сочтем это необходимым. Далее. Несмотря на недобросовестное или слишком беглое, явно предвзятое отношение к отснятым материалам и сделанным из этого выводам о причастности России к странным происшествиям в районе острова Моала и в других районах Тихого океана, российское правительство сообщает, что во время этих событий армия и Военно-Морской Флот России выполняли задачи по несению службы совсем в других местах и не имели физической возможности появиться в названном месте. Мнение экспертов, изучивших переданные вами материалы, однозначно: в них нет никаких явных или же неявных указаний на причастность к агрессивным акциям Российских Вооруженных Сил. Тем не менее российское правительство во имя мира и мирного сосуществования народов передает американскому правительству секретные материалы, полученные недавно нашей разведкой. Мы не прилагаем никаких выводов, за исключением подтверждения сроков случившегося, дабы избежать предвзятости. Делайте выводы сами.

А теперь, извините. Я должен откланяться.

11

Разрушения

– Вы разведчик? – спросил Ричарда Дейна полковник с нашивками сухопутных войск. Полковника звали Люк Безель, они только что познакомились.

– Нет, сэр, – ответил Ричард Дейн, – я просто пилот разведывательного варианта штурмовика «Харриер».

– Я тоже не имею отношения к сухопутным войскам, – признался полковник, теребя погон. – Это камуфляж. Я из специальной, срочно сформированной группы экспертов смешанного профиля, подчиненной непосредственно команде президента. Вам теперь тоже деться некуда. На вас уже оформлен нужный допуск, а ценно любое мнение. Голова пухнет от разных версий.

Так Ричард Дейн попал в вертолет, следующий на остров Моала.

Полет занял много времени, на самолете, конечно, было бы быстрее, но, как узнал впоследствии Ричард, взлетная полоса военного аэродрома Форт-Кук оказалась полностью выведена из строя.

Когда они прибыли на место, Ричард Дейн смог в этом убедиться воочию.

– Сколько же в нее вогнали бетонобойных бомб? – спросил он у полковника, спеша воспользоваться своими летными знаниями хоть по какому-то предмету (со времени знакомства с группой экспертов на борту вертолета Ричард Дейн все время находился в режиме ощущения своей умственной неполноценности).

– Только одну, мы так предполагаем. А остальные воронки – вот эти – большие и глубокие – они сотворили какой-то наземной пиротехникой, после того как высадились на берег.

– Да?

– Ладно, двигаемся дальше, – произнес Люк Безель, шагая по куче битого кирпича, бывшей не так давно казармой, а то и коттеджем генерала. – Это похлеще Пёрл-Харбора, ей-богу, – сказал он через некоторое время, перепрыгивая через валяющийся на земле обломок радиомачты. – Если бы мы не имели информации со спутников, можно было бы подумать, что здесь было не только нападение, но и землетрясение одновременно.

Упоминание о Пёрл-Харборе Ричард Дейн слышал за последние сутки уже раз десять, но бодрился, изображая из себя воздушного аса. На самом деле он оставался в состоянии непрерывного удивления. В действительности в своей жизни он участвовал лишь в одном настоящем бою – в том, где его сбили, а все остальное летное время выпадало на учения. Сейчас он впервые наблюдал последствия применения современного оружия в таком масштабе, да еще вблизи. И был в состоянии, близком к шоку, хотя не показывал этого. Вокруг, в развалинах строений, суетились люди, преимущественно в военной форме.

– Убитых подсчитали? – интересовался кто-то из больших шишек у испачканного с ног до головы спасателя.

– Пока приблизительно. Включая команды двух кораблей в гавани.

– Ну?

– Где-то тысячи четыре.

– О боги! Как такое скрыть от прессы? – спросил любопытный военный шишка сам себя.

А спасатель добавил:

– Но может быть и на полторы тысячи больше, мы еще не все учли.

– Господи! Скоро ведь сюда устанут дозваниваться родственники и тогда обратятся куда-нибудь повыше, так?

В двух местах Ричард Дейн натолкнулся на кровавые лужи. Какие-то службы успели убрать покойников. А еще в одном случае Ричард Дейн чуть не наскочил на торчашую из битых

кирпичей и лестничных перекрытий черную, обгорелую руку – он чуть не лишился чувств. На территории острова Моала хорошо поработала большая мясорубка-костоломка – с размахом и фантазией. Некоторые вещи Ричард Дейн раньше даже представить не мог, а теперь увидел воочию. Например, колонну словно побывавших под прессом тягачей «Хаммер». Смяло только верхушки кабин, создав из них ряд ровнехонько обрезанных грузовиков с открытым верхом, – так прокатилась по ним взрывная волна от какой-то мощной штуки, упавшей с неба. Вся база Форт-Кук была разнесена в щепки.

12

Былое

И снова встреча на уровне послов.

– Господин посол. Наши эксперты внимательно изучили материалы, переданные вами. Наши специалисты пришли к заключению, что данная пленка является мистификацией – очень умелой и сделанной с использованием новых принципов, но мистификацией. Плавательное средство, представленное на снимке с птичьего полета, идентифицировано с двумя реально существующими объектами – линейным кораблем «Ямато» и его аналогом – «Мусаси». Однако, как известно, оба названных линкора потоплены американским флотом во Второй мировой войне. – Советник президента США внимательно глянул на российского посла.

– На некоторых кадрах, как указывается в экспертизе, наблюдаются авианосные корабли. Однако в настоящее время ударные авианосцы имеет только одна держава – Соединенные Штаты Америки. Мы бы могли сделать вывод о провокации, произведенной вашими собственными военными с некими политическими целями. Кстати, имела ли место такая интерпретация происшедшего на базе Форт-Кук? Мы понимаем, что это звучит чудовищно, но уж слишком все напоминает Пёрл-Харбор. Ведь до сих пор неясно, знало ли американское правительство о том, что Япония готовила тогда нападение, и не дало ли само возможность осуществить эту акцию, чтобы получить повод для вступления в войну? – без всякой интонации ответил Иван Евгеньевич Титуленко.

– Столь давние исторические события вряд ли имеют отношение к случившемуся.

– Но вы же сами, господин советник, затронули Вторую мировую, так?

– Я могу лишь повторить: навряд ли эти давние события как-то соотносятся с текущим моментом.

– Как знать, господин Саржевский, – загадочно, но все так же бесстрастно пожал плечами Титуленко.

– Русские что-то знают, – тихо сказал, выходя из посольства, господин Саржевский сопровождающему его человеку. – Они темнят.

– Я не представляю, как можно подступиться к данной проблеме с помощью традиционных методов, – ответил ему Ален Уаллдер – помощник советника президента США.

13

Охранники

– Ну, что? На разрушения насмотрелись? – спросил Люк Безель, исчезнувший перед этим на целый час по каким-то своим начальственным нуждам.

– Ужасная трагедия, – ненамеренно ляпнул банальность Ричард Дейн, но она была к месту.

– Однако это, – Люк Безель обвел рукой горизонт, – не самое странное из произошедшего.

– Да?

– Я до сих пор сомневаюсь, правильно ли сделал, пригласив вас, но кто бы мне подсказал, кого можно использовать для решения проблемы? Пойдемте кое-что поглядим.

С помощью небольшого катера они попали на борт стоящего на якоре посреди маленькой бухты эсминца «Спруенс». На палубе Люка Безеля встретил явно предупрежденный о визите майор, как оказалось, представитель военной полиции. Отойдя в сторону, оба старших офицера некоторое время о чем-то совещались. В основном что-то долго и монотонно бубнил майор – Люк Безель больше кивал. Для сопровождения гостей прислали лейтенанта. Военный полицейский убыл по своим делам, а эксперты, спустившись по трапу и пройдя по коридору, оказались перед охраняемой вооруженным моряком каютой. Порог каюты переступили только гости.

Ричард Дейн, которому так ничего и не объяснили, предполагал, что сейчас они встретятся с каким-нибудь важным начальником, раз уж его каюту охраняют с «М-16» наперевес. Однако пилот-разведчик ошибся. В каюте присутствовал среднего возраста человек, без знаков различия, судя по комплекции, вполне могущий иметь отношение к морской пехоте, однако в его поведении начисто отсутствовала присущая этой касте самоуверенность.

Как только полковник и лейтенант оказались внутри, человек вскочил.

– Сержант Ромео Талс, сэр, – представился он и тут же, без паузы, начал тараторить: – Господи, я уже заждался. Вы мне, конечно, не верите, но как я вам рад, ребята. Извините, сэр. Пожалуйста, быстрее подсоединяйте свой «детектор лжи». Я готов, – человек начал суетиться, засучивать рукава, однако даже при этом не сводил с прибывших внимательно-затравленного взгляда. Только теперь Ричард Дейн понял, что сержант Ромео Талс находится под стражей. А тот не умолкал ни на секунду. – И надо же, – взбодрился он напускную веселость, – надо же, именно со мной случилось такое чудо. Никогда ведь я не верил ни в эти «летающие тарелочки», ни в «зеленых человечков». Правда, здесь, наверное, другой случай. Гипноз какой-нибудь. Галлюцинация. Хоть бы не коллективное помешательство. Ведь если признают меня помешанным, что же тогда? Ведь спишут, как пить дать спишут на берег. А то и вообще уволят. Куда же я тогда подамся? И на хрена мне тогда моя выслуга? Коту под хвост? Нет, правда, ребята, – извините, что я так фамильярно, – очень вам обрадовался. Но вы хоть намекните, сэр: я просто втянут в эксперимент с психотропным компонентом, да? Мне, знаете, как будет сразу легко? Ну так как, намекнете? – субъект уставился на вошедших тоскливыми бегающими глазами.

«Били его здесь, что ли, – подумалось Ричарду. – Такой крупный и, наверное, сильный человек».

– Нет, – сказал незнакомцу полковник Безель, – никакому психотропному воздействию вы не подвергались. По крайней мере со стороны правительства США. Ладно, присядьте, давайте поговорим.

– Да, конечно, – поспешно угомонился их собеседник. – Вы из ЦРУ?

– Нет, мы из специальной комиссии, назначенной армией для внутреннего расследования.

– А, – несколько обиженно воспринял новость сержант Ромео.

– Итак, расскажите, как все случилось, – мягко сказал Люк Безель.

– Да рассказывать-то нечего, господин полковник.

– Все равно расскажите. Ничего страшного, если повторитесь в чем-то.

– С какого места?

– С какого нравится.

– Вчера при осмотре базы Форт-Кук, точнее того, что от нее осталось, был обнаружен этот объект – остов боевой машины или как его назвать?

– Как вам самому нравится.

– Ну, вот. Штуковина эта привлекала внимание. Мало того, что большая, так еще на четырех гусеницах. Вы ведь видели снимки, наверное? – неуверенно спросил опрашиваемый.

– Не важно, продолжайте, – махнул рукой Люк Безель.

– Ага. Так вот, не знаю, танк это был или самоходное орудие. Пушка – большая дура – калибр, наверное, сто тридцать – сто сорок миллиметров. Но важно даже не это, важны опознавательные знаки. На броне красное знамя с серпом и молотом и куча маленьких красных звездочек – знаете, как летчики отмечают сбитые самолеты. Конечно, эту обгорелую машину нужно было убрать с глаз долой. Какой-то умник предлагал вертолетом забросить ее внутрь каких-то развалин рядом – легче было бы охранять, но, сами понимаете, ее бы, наверное, даже «Чинук» не поднял. Если надо, – поспешно и так же затравленно предложил арестованный, – я покажу остатки того здания на берегу. Прямо на месте покажу.

– Лишнее это пока. Не отвлекайтесь, – остановил его Люк Безель.

– Ну вот. Выставили охрану. Нет, покуда не меня – другую смену. А любопытные все прут. Что тут делать? Затем кто-то додумался. Привезли брезент. Накрыли эту штуковину. Так что, когда я с напарником заступил, танк этот был задернут, как полагается. Наша задача была никого к нему не пускать. Исключение составил один офицер, наверное, из морской разведки. Он еще до этого, днем – я видел – делал фотографии. Теперь мы дежурили без смены. В этом кавардаке, что творился на острове, было не до смен. Всех остальных со взвода бросили на спасательные работы. Нам даже повезло, охрана – работенка непыльная. Уверяю вас, никто из нас не спал. Но как это случилось, понятия не имею. Извините, но в этой штуковине было тонн шестьдесят, а то и все восемьдесят, как можно было бы стибрить ее бесшумно? Да даже если бы я спал, уж позвольте, неужели я бы... Да и вообще, как кто-либо из нас двоих не проснулся бы от шума транспортного вертолета? Но ведь надо было еще спустить сверху людей для закрепления груза. Да и не сможет никакая «вертушка» эту машину поднять, я же уже говорил. А платформу подогнать? Так опять же – грузить. Кран нужен. И пусть бы даже погрузили – я уже думал, – но ведь остров? Куда с него денешься?

Люк Безель пожал плечами, а Ричард Дейн и этого не сделал, он вовсе ничего не понимал.

– Но хуже всего, конечно, что я знаю, когда это произошло. Понимаете, ночью стало довольно прохладно и туман появился – мерзкая такая погода. Куда там спать. Нет, мы, конечно, и не собирались, я вообще говорю. Я и нарезал круги вокруг этого брезента. Нет, упаси бог, не трогал я тот танк руками. Ведь нас предупредили, что скоро прибудет ЦРУ разбираться во всех делах. Ну, может, разок тронул, так, дабы пощупать металл. И слава богу, – несколько агрессивно пояснил сержант, – а то бы я сам сомневался, был ли он.

– Понятно, – кивнул Люк Безель. – А на этом «танке» было что-нибудь? Ну там кровь, может, трупы внутри? Вы вообще в его нутро заглядывали?

– А то, – хмыкнул Ромео Талс. – То есть заглянули один раз, еще до того, перед выставлением первой смены. Там, внутри, случился хороший пожар. С внешней стороны башни было входное отверстие, наверное, «ПТУРС» кумулятивной струей выжег там все внутренности. Но

останков людей не было, это я точно говорю. И все же, все равно, самое интересное на броне – звезды эти и серпы-молоты – прямо музей. Только я не пойму, – внезапно снова занервничал допрашиваемый, – вы что же – фотографий не видели? Они что, тоже того? Испарились?

– Там все нормально, – отмахнулся Люк Безель. – Вы продолжайте дальше. Как это все случилось?

– Ага, ладно, то есть так точно, господин полковник. Продолжаю. И вот нарезаю я круги в этом тумане. Туман такой, что даже другой край брезента не вижу, честное слово. И тишина такая. Нет, там где-то шумно, спасатели работают, не прекращают, а здесь совсем тихо. И тут вижу: брезент опадает, – рассказчик вздрогнул. – Я фонарем повел... Вначале думал, померещилось. А он опадает. «Хоп» – так и сложился. Лежит грудой, внавалку – брезент ведь большой. Не знаю, с минуту я стоял. Потом Сомс, напарник мой – он с другого краю был, – заорал. Я все-таки не поверил – наступил. Пустой брезент – ничего там больше не было. Потом я, кажется, уронил фонарь. Еще вроде ходил я поверху того брезента, уж не знаю зачем. Уже потом, когда другие прибыли, додумались поднять – заглянуть под низ. Думали, может, провалился куда в тартарары. Не-а, – сержант Ромео даже помотал головой для убедительности, – ничего совсем. А вот следы остались, он же тяжелый, гад, был, да еще стоял долго – вдавил гусеницы в грунт сантиметров на десять.

– А время, время, хотя бы приблизительно назвать не можете?

– Ну почему, приблизительно, пожалуйста. Где-то в два ночи с мелочью... – бывший караульный замялся. – Знаете, когда случилось, сразу на часы взглянуть не додумался. Уже потом. А Сомс вообще ополоумел – убежал. Его только утром нашли, вроде километров за пять от места. Я его ведь потом не видел. Арестовали меня, как видите.

– Понятно. Значит, по-вашему, объект просто-напросто исчез?

– Да, сгинул без следа, без дыма и пламени, так сказать. У меня, правда, если можно высказать свою версию, есть одно соображение. Только не подумайте, что я хочу кого-то оправдать, себя, например, или увести следствие в сторону. Ничуть не бывало. Но...

– Да говорите уж, – обрезал его полковник Безель.

– Вот, слышал, есть такие сплавы – магниевые. Они же похожи на железо, правда? Так вот, если какой-нибудь такой специальный сплав, что в случае надобности сгорает бесшумно и бездымно... Может быть, такое?

– Пока не знаю, разберемся, не сомневайтесь. А теперь мы прощаемся. И напомню, держите язык за зубами.

– Понятно, господин полковник. Но что со мной-то будет?

– До свидания.

14

Гадание на кофейной гуще

Разговор происходил в одной из комнат экспертного отдела Центрального разведывательного управления США.

– Что ты обо всем этом думаешь, Шор? – спросил Глен Куинс, разливая кофе в пластиковые чашки. Некоторое время назад они применяли для операции заваривания напитка специальную машину-автомат с краником и программным блоком, но оказалось, что одна из главных функций напитка не в насыщении желудка сахаром, а мозга бодрящим кофеином, но еще и в отвлечении сознания от решаемой задачи, в том, чтобы иметь возможность переключиться и через пару минут взяться за решение с другой стороны. И вот теперь они снова пользовались старым примитивным электрокофейником.

– Я думаю, – Шор Якоппо отхлебнул, обжегся и отставил чашку, – если между нами, то будь я репортером, пустился бы во все тяжкие, только бы быть первым в публикации материалов. Неплохая история про «Летучий голландец» из Второй мировой, как ты считаешь? – Шор Якоппо обращался к начальнику по имени – так было принято здесь, и без посторонних свидетелей Глен Куинс это поощрял. – Помнится, я как-то просматривал такую книжонку из фантастической серии. Называлась она «Седьмой авианосец». Там во льдах Арктики спокойно достоял до нашего времени суперлайнер, тоже японский, только с самолетами на борту. И вот он разморозился и пошел крушить всех подряд.

– А что, нормальная версия. Не хуже предлагаемой, о консервации Россией некоего морского соединения с авианосцами, которых у нее не было, и десантными кораблями, которых тоже было наперечет. Это хорошая «бомба» для «Нью-Йорк таймс», даже для первой страницы. А вообще, все очень подходит для беллетристики, может, свяжемся с автором твоего «Седьмого», дадим идею и разделим гонорар?

Оба посмеялись. Глен Куинс сменил тон на очень деловой:

– Подобных идей пруд пруди, Шор. Так что давай к делу.

Кофе был выпит, и нужно было работать дальше.

15

Фотография

– Извините, полковник, – сказал Люку Безелю Ричард Дейн, – а о чем речь-то шла?

– Вот, – Безель сунул в руку Ричарду несколько цветных снимков.

Ричард Дейн пронаблюдал в разных ракурсах и на всяком расстоянии один и тот же «объект». Танк действительно был странный и громадных размеров. Пострадал он от какого-то оружия тоже порядком – ни номеров, ни знаков государственной принадлежности, исключая серпы и молоты, на его закопченных боках не наблюдалось. А гусениц присутствовало действительно четыре. По сравнению с длинным орудием корпус казался маленьким, а поскольку все траки располагались под круглой грибообразной башней, машина напоминала экскаватор.

– Странная штукавина, – подвел итог Ричард Дейн. – Что же это?

– Разве не видно сразу? Танк.

– Я так и подумал. А чей?

– Вам лучше знать, вы видели их авианосец, так ведь?

– Вы думаете, это то же самое?

– А вы, Ричард, так не думаете?

Их речь начинала напоминать каламбур.

– Вам не кажется, Ричард, что и авианосец, который вы видели, вполне материальный, наверное, если учитывать ракеты, сбившие вас, тоже куда-то испарился?

– Кажется, но разве это что-либо объясняет?

– Да, к сожалению, единственным объектом, который можно было пощупать руками, был этот самый продырявленный танк. Теперь и его нет.

– «Зеленые человечки»? – спросил Дейн.

Люк Безель пожал плечами.

– Вообще-то я никогда в них не верил, – оправдался неизвестно для чего Ричард Дейн.

– Я тоже. И даже сейчас не верю. Вера – это вообще из другой оперы, так ведь?

16

На краю света

Конечно, знал бы прикуп – жил бы в Сочи. Однако кто ведал о том, что какой-то захудалый полусписанный новозеландский траулер, подобранный посреди моря Фиджи двух полуживых людей и не торопясь бредущий по волнам на родину, имеет в трюмах, кроме рыбы, ответы или, скорее, нет – новые вопросы, могущие стать дополнением к целой стопке материалов, накопленной совместными усилиями сбивающихся с ног секретных ведомств?

Так что о подобранных в воде счастливицах американские спецслужбы узнали, только когда поношенный траулер добрался до порта Опуа. А вначале...

– Кто это такие? – спросил капитана Ко Миноо стоящий на пирсе хозяин рыболовецкой компании Айзек Кингси.

Ко Миноо ничуть не удивился вопросу, хотя четыре дня назад приказывал радисту доложить о подобранных в воде людях.

– Американцы, похоже, – степенно отвечал Ко Миноо, угощаясь протянутой сигаретой. – Море лишило их рассудка.

– Да? – удивился Айзек Кингси. – А с какого они судна? Что-то я не слышал об авариях в последние дни. Наверное, какие-нибудь горе-яхтсмены – любители одиночных плаваний вокруг света?

– Они утверждают, что с острова Моала.

– Но вы же подобрали их совсем в другом месте?

– Они говорят, босс, – Ко Миноо хохотнул, – что в море их вывезли насильно.

– Мафиози, что ли?

– Нет, русские. Рассказывают, было много военных кораблей. Да, кстати, шеф, о какой-нибудь войне ничего не слышно? А то наш приемник что-то шалил всю дорогу.

В действительности в течение всего рейса приемник уверенно ловил все длинноволновые программы, но капитан Ко Миноо, по своему новозеландскому темпераменту, предпочитал слушать бесконечные музыкальные передачи, лишь иногда он переключался на специальную волну, выделенную для сообщения сводок погоды.

– Какая, к черту, война, Миноо? – ухмыльнулся Айзек Кингси. – Мы живем на самом краю света.

Оба рассмеялись.

Двоих американцев отправили в местную больницу.

17

Аналитическая проза

– Господин президент, господа! Хочу вам сказать, что все службы, способные соображать, ломают голову, – докладывал советник президента США Луи Саржевский. – Мы тщательнейше проверили любые данные за несколько лет, которые хоть как-то могли быть связаны с подготовительными операциями этой варварской акции или вообще всего остального. Мы исследовали, могут ли заблаговременно укрыться от посторонних глаз малые, а тем более большие корабли, полным водоизмещением десять или более тысяч тонн, мы проделали то же самое в отношении подводных лодок. Конечно, в истории бывали прецеденты, когда некоторые страны допускали нарушение договоров либо вообще могли строить гигантские корабли, о которых никто ничего не знал, даже после их создания. Самый яркий пример в этом смысле – суперлинкоры Японии во Второй мировой войне. Как известно, их авианосец «Синамо» был построен, вышел в море и даже был потоплен, а мы так ничего и не узнали о нем до конца войны. То же самое линейный монстр «Ямато». Даже потопив его, мы не знали его ТТХ. Однако все это происходило во времена, когда о спутниках разведки и загоризонтных РЛС никто даже не мечтал. Сейчас другое время.

Далее. Разберем ситуацию исходя из геополитических аспектов. Претендентом на подозрение мог бы являться СССР, но этой страны давно нет, а Россию сейчас нельзя приравнять к супердержаве. Если не считать ядерные ракеты, ее военный потенциал не составляет и десятой доли былого могущества. Учитывая регион, в котором произошли инциденты, Россию можно вообще ни в чем не подозревать. Далекая второстепенная база нашего флота или авианосные соединения на краю света, даже по отношению к ее Камчатке, – зачем они ей?

Другим претендентом мог бы быть Китай. Как известно, по промышленному потенциалу он давно обогнал Россию. Но он не имеет пока нормального океанского флота. Да, есть отдельные прорывы, но все это на несколько лестничных пролетов позади развитых стран. Все более-менее новое он собирает по европейской либо нашей технологии. Насчет его заинтересованности в нападении: оно нужно ему как собаке пятая нога.

Остается Япония. Ее флот довольно современный, но в основном состоит из эскадренных миноносцев. Полностью отсутствуют действительно крупные корабли. В геополитическом плане японцы сейчас менее всех способны на авантюры, а если и способны, то под боком у них безбрежная, все еще не освоенная и богатая ископаемыми Россия и Китай – задирающий голову конкурент.

Страны Западной Европы рассматривать не будем. Вспомним, что только у двух из них есть авианосцы, и только у одной, Франции, – единственный большой. Но мы доподлинно знаем, где он находился в интересующие нас часы.

Среди слаборазвитых стран у нас достаточно врагов, которые были бы рады нанести нашему флоту хоть какой-нибудь урон, но почти ни у кого из них флота нет вовсе или же он представлен парой купленных по дешевке посуды, годных лишь на металлолом.

Учитывая все это, мы прикинули возможность объединенного выступления против нас всех этих стран, хотя по политическим и прочим соображениям это просто фантастика. Мы прикинули возможность заведомой, согласованной дезинформации в отношении своих и чужих кораблей и создания общей эскадры – эдакой сборной солянки. Но даже в этом варианте ничего не получается. Да, если собрать все эсминцы мира – их будет больше, чем у нас. Сейчас, как вы знаете, их у нашего флота пятьдесят. Может, общее соотношение подводных лодок с учетом России будет не в нашу пользу. Но по авианосцам мы все равно превосходим кого угодно, к тому же многократно. Словом, даже в этой гипотезе концы с концами не сходятся.

Еще. Обсуждалась возможность создания или закупки боевого соединения некоей враждебной нам группой частных лиц. Реально, даже в меньшем варианте, такое никогда не происходило. Помнится, в семидесятых годах прошлого века небольшая группа преступников пыталась украсть атомную подводную лодку. Акция провалилась.

Единственный вариант, который практически мог бы что-то объяснить, это появление в нашем флоте какой-нибудь группы сумасшедших адмиралов, решивших напасть на собственную страну. Но такие случаи не имели места в действительности. Разве что в той же России сто лет назад – мятежный броненосец «Потемкин». Даже если предположить такое, то и тогда это возможно как однократное действие. Флот должен иметь базы. Даже атомный. А кроме того, мы доподлинно знаем, где и когда находятся наши корабли, а тем более авианосцы, с точностью до одной мили и одной минуты.

Луи Саржевский сложил бумаги и посмотрел на аудиторию.

– Вы закончили? – кисло спросил самый главный из присутствующих.

– Да, господин президент.

– Итак, господа, этого не может быть, потому что этого не может быть никогда, и однако оно есть, – первое лицо Америки обвело аудиторию внимательным взглядом. – У кого есть мнения, отличные от высказанных? Готов выслушать любую муть, честное слово, лишь бы она хоть как-то свела концы с концами, господа. Ну, что, мне поднимать вас по одному, как школьников?

– Может быть, пригласим специалистов по НЛО? – подал голос министр обороны.

– Каких? Найдите среди этих кретингов того, который будет держать язык за зубами после нашей беседы. У вас есть таковые на примете?

– У меня нет, но можно поручить дело специальным службам.

– Ценное предложение. Так, кто из наших людей занимался уже этой проблемой?

– Я, господин президент.

– Вы и здесь успели, Луи? – искренне удивился президент.

– Так получилось.

– И что же?

– У меня есть на примете один достойный энэлошник.

– Да?

– Леонард Мейти.

– Подайте его сюда!

– Придется ввести его в курс дела.

– Но ведь вы за него ручаетесь, я так понял?

– Да, господин президент.

18 Свидетель

«Нет, никаких сигналов оповещения не было. Ни сирены, ничего. Правда, погода действительно была мерзкая. Какой-то туман, как молоко. Видимость очень плохая. Я, конечно, не знаю, – может, какие-нибудь операторы где-то на пультах что-то и обнаружили. Тогда была не моя смена, вообще выходной. Внезапно раздались взрывы, целая серия. А рев вертолетов уже после. Честное слово, я и подумать не мог, что это вражеские. Сколько их было? Понятия не имею, но, наверное, очень много. Но ведь вокруг сплошное пламя. Я едва из дома выбежал – посмотреть, что случилось, – тут он и завалился. Нет, не сам – шарахнуло так, что в ушах зазвенело. Тогда я помчался на командный пункт. Да, как был, в домашнем халате. Не добежал. Где-то по дороге меня накрыло. Нет, не ранило. Наверное, контузило. Очнулся, лицо в крови, оказалось, не моей – рядом кого-то разорвало в клочки. А вокруг все взрывалось и взрывалось – похоже, били орудия. Да, вот так и стоял на одном месте, вжавшись в какую-то стену. Ребята, которые допрашивали меня перед вами, предупредили – ничего не скрывать, вот я и стараюсь. Так и стоял, не знаю сколько. Может, час, может, два. Да нет, не может быть, что минут десять. Нет, не верю, хоть режьте. Вот именно, покуда эти молодцы с обмазанными краской лицами не подскочили. „Руки за голову! – командуют и: – Шагом марш!“ И ствол прямо в нос. Куда тут спорить. Да, на нашем, английском. Нет, акцент был. Потом в вертолет пинками, щеками к полу вибрирующему – ничего не видать. На палубу тоже – прикладом по хребту. И в трюм какой-то. Там уже были другие – человек десять. На допросы водили позже. Нет, мне повезло, не успели. А других возвращали – солидно потрепанных. Да, русские это были, гарантирую. Нет, я их языка не знаю, но другие утверждали. И морды белые – славянские. Нет, раньше, конечно, не видел. Нет, у тех, что краской намазаны, разобрать нельзя. Какое судно? Большое, наверное, ведь вертолет сел, да и не один к тому же. Может, и правда, типа большого десантного. Честно, ничего разобрать не успел – куда там – „Руки за голову!“ и „Шагом марш!“.

Как потом оказался в воде? Не понял, хоть убейте. Задремал, похоже, еще бы, после такого денька. Так вздрагивал, когда кого-нибудь очередного возвращали с «собеседования» или, наоборот, – уводили.

Очнулся уже в океане. Да, не один – нас много было. Темно ведь, ночь – как посчитать? Несколько десятков точно. Как случилось? Я думаю, они пустили в трюм какой-нибудь газ, усыпили, а потом побросали за борт. Нет, я не видел, так, предполагаю. Не мое дело предполагать? Ну, вам виднее. Пожалуйста, пусть спецы голову ломают. Да, я говорю как есть. Дальше? Ну, вот. Представьте, только что – в дерьме; конечно, нет, – я условно выразился, – но все же в сухоньком помещении, и вдруг – мама моя родная – в воде по уши. И волны. И темно совсем. Да, ну как можно было не проснуться. Ну, может, кто и захлебнулся от неожиданности.

Да, начали тонуть. Одурели люди вконец – друг на друга лезут. Ухватиться совсем не за что. Вижу, дело дрянь – ни огонька на горизонте, ни шума прибоя. Понял я тут, что, если от этой толпы подальше не удалюсь, – недолго мне крейсировать. Я и махнул куда глаза глядят. Кое-кто за мной увязался. Да, и этот парень – Алойс, с которым меня одновременно подобрали, в том числе. Куда делись остальные? Ну, вы даете».

Стенограмма с диктофонной записью беседы с гражданским служащим станции наблюдения над космосом военной базы Форт-Кук Ридсом Хайманом, подобранным новозеландским траулером в море Фиджи.

19 НЛЮ

– Господин президент, – сказал Леонард Мейти. – Я хотел бы вас чем-нибудь обрадовать, однако рассматриваемый вопрос абсолютно не имеет отношения к проблеме уфологии или к чему-то с ней связанному. Вы же наверняка в курсе, что более тридцати лет назад правительство официально свернуло программу изучения неопознанных летающих объектов, и свернуло не просто так, а в связи с ее полной бесперспективностью и ненаучностью. Все эти бесчисленные случаи наблюдения инопланетян, даже их классификации по типам и росту, оказались пшиком. Да, существуют несколько десятков не объясненных до сей поры случаев, когда какие-то объекты фиксировались не только людьми, а еще и аппаратурой, в том числе радиолокационной, но что с того? Эти факты абсолютно не похожи на то, что произошло сейчас. Мы имеем дело с явно враждебным действием, с применением вполне реального оружия. Необъяснимо, кто это делает и куда он пропадает после, так?

– Конечно, так, господин Мейти, – подтвердил президент США. – Вот мы и хотим услышать ваше мнение.

– Хорошо. Но, возможно, прежде чем изложить мою версию, стоит коротко затронуть объяснения, до сей поры применяемые к проблеме аномальных явлений, с моими личными комментариями, как вы думаете? – Леонард Мейти посмотрел на президента.

– Да, будет не лишним, – кивнул ему глава Белого дома.

– Прекрасно. Господин президент, первое объяснение, известное всем, заключается в инопланетных пришельцах. После того как до большинства людей дошло, что в Солнечной системе жизни, кроме как на Земле, нет, а до звезд чрезвычайно далеко и даже скорость света для масштабов Вселенной гораздо медлительней черепахи, используются всяческие псевдонаучные выверты. Например, пониживание измерений. Кроме того, существует версия, охотно муссируемая фантастами, о том, что нас создала и продолжает за нами наблюдать некая сверхцивилизация или группа таковых. Есть еще одно хитрое предположение, что за нами присматривают наши отдаленные потомки, прибывающие туристами из далекого будущего. Что можно возразить против таких гипотез? Собственно говоря, мы не знаем устройства времени, не знаем пределов развития цивилизаций и, даже по данным современной науки, вполне допускаем существование других измерений. Учеными практически доказано существование «черных дыр» и почти доказано наличие «белых». Конечно, мы можем принять за исходное объяснение любую из гипотез. Вопрос в том, что нам это даст в практическом плане. В рамки гипотезы добрых пришельцев и гуманных внучат боевые действия в Тихом океане, с информацией о которых я ознакомился, никак не лезут. Что же нужно допустить, оставаясь в изгнороди тех же предпосылок? Неужели сверхцивилизация будет воевать с нами сходным оружием? Неужто переразвитые потомки будут стрелять в нас примитивными ракетами или снарядами? Абсолютно нелепо, если подумать. Перенос во времени или через метагалактические дали, как бы он ни совершался, несопоставим с нашим уровнем техники.

– Так что же это? – не выдержал президент.

– Я продолжу еще чуть-чуть? – попросил Леонард Мейти и, когда ему кивнули, довершил: – Может, стоит объяснить происходящее исходя из религиозных соображений? Но даже там мы не находим чего-нибудь похожего, если, конечно, не притягивать доказательства за уши, как это постоянно делают пророки, предсказывающие конец света. Никакие ведьмы, призраки и «Летучие голландцы» ничем нам, в нашем конкретном случае не помогают. Чисто материальные объяснения здесь тоже не подходят. Еще имеется такая область – психические явления. Ими можно объяснить многое, но ведь существуют фотографии, записи индикаторов радиолокационных станций и так далее. Индикаторы не подвержены галлюцинациям, хотя,

может случиться, я ошибаюсь. Суть не в деталях, весь комплекс явлений в целом – вот что важно. Происходящее слишком многопланово. Итог плачевен: мы не имеем покуда вообще никакого объяснения. Конечно, если бы это случилось однократно, можно было бы закрыть глаза и отодвинуть проблему в сторону – наука не приветствует однократные чудеса. Однако, поскольку эффект продолжается, им надо заниматься. Для этого и существует она – наука. Поскольку явление повторимо – оно исследуемо, по крайней мере в принципе. Как всегда, вначале идет статистика, затем гипотезы, потом теории-объяснения. Конечно, теории не отображают реальность как таковую, они просто делают ее привычной, а значит, менее пугающей.

– Ну, знаете, – с некоторой обидой в голосе произнес президент, – я ожидал от вас чего-то другого.

– Рассказов о поимке пришельцев на нашей авиационной базе в пятидесятых годах?

– Да, наверное, – улыбнулся президент. – Я не пойму, вы сами-то верите в свои НЛО?

– При чем тут вера? В какой-то мере это бизнес. А вообще, мало ли что, вдруг когда-нибудь что-то и обнаружится. Для отделения зерна от плевел надо поначалу иметь хотя бы второе.

– Значит, с вашим визитом я опять потерял время?

– Нет, отрицательный ответ тоже ответ. Просто в рамках проблемы известных до сего дня аномалий вы, наверное, не найдете ответа. А касательно моего призвания – может быть, собранные нами за многие годы факты сгодятся настоящим экспертам. Мы занимаемся собирательством, та систематика, которой мы пользуемся, это псевдосистематика, она создана просто для того, чтобы к нам продолжали поступать факты. Современная наука слишком оторвалась от обыкновенного человека. Наверное, мы не являемся связующим звеном, но уж лучше, чтобы люди интересовались инопланетянами, которые все же наверняка где-то есть, чем хиромантией. В институт простой смертный не будет звонить по поводу привидевшегося ему тарелкообразного объекта, а к нам позвонит. Мы ведь не только поблагодарим его, а еще и опубликуем его мысли в журнале. И пусть это плевелы, но когда-то попадетя и зерно.

– Ваша позиция ясна. Неожиданная, должен признаться. Теперь напомним о неразглашении того, что вы здесь узнали.

– Излишне, господин президент. Единственное «но». Если о приведенных вашими службами фактах нас оповестит какой-то другой источник, что тогда делать?

– Сообщите, пожалуйста, вначале нам, – вмешался до сего момента молчавший Луи Саржевский.

– Заключим словесное соглашение?

– Очень бы хотелось.

– Но за это вы, господин президент, кое-что мне пообещаете.

– Ну? – Президент был явно шокирован наглостью гостя.

– Соответствующие ведомства будут ставить меня в известность о новых «чудесах», а если наука раскроет тайну, вы мне тоже сообщите. Идет?

– Но вы точно будете молчать?

– Я же сказал. Мое слово – могила.

20

Догадки

- Ну, что скажешь, Шор? – Глен Куинс развалился в кресле, потягивая кофе.
- Теперь нет никаких сомнений, что эти выловленные новозеландцами пловцы действительно наши парни.
- Тут ты прав. И мы получили живых свидетелей «налета».
- Не много же они успели увидеть, – ухмыльнулся Шор Якоппо.
- И тем не менее. А вот скажи мне, Шор, что ты думаешь по поводу их плавания.
- Тяжело им пришлось, что и говорить. Интересно, среди очутившихся в водичке были женщины, да и вообще среди пленных?
- Верное замечание морального свойства, курсант. – (При слове «курсант» Шора, как всегда, несколько покорило – кадетом военного колледжа он был достаточно давно, однако в общем-то демократичному начальнику почему-то нравилось именовать его именно так. Можно было простить, хотя бы за разрешение обращаться к шефу по имени.) – Думаю, слабый пол там был, поскольку на базе Форт-Кук женщины имелись. И, конечно, эта парочка чудом спасшихся мается муками совести за то, что, умея плавать, не умудрились никого спасти. Однако по трезвом разумении понимаешь, что в ином случае они бы тоже не выжили.
- Извините, шеф, то есть Глен, но эти скоты новозеландцы могли бы малость подсуетиться. Если бы Седьмой флот узнал о спасенных сразу после их подъема на борт, возможно, удалось бы прочесать район спасательными вертолетами.
- Скорее всего шанс был маленький даже в этом случае, но насчет этих аборигенов я с тобой согласен. Тем не менее, Шор, речь не об этом, – Глен Куинс со стуком поставил на стол опорожненную чашку. – Как эти ребята попали в воду, да еще на таком расстоянии от своей базы?
- Если отбросить всякие гипотезы о коллективных галлюцинациях, если признать за истину, что эти люди действительно незадолго до того находились на острове Моала, тогда придется допустить, что они на самом деле попали в плен к каким-то славянам и доплыли до района, в котором их подобрали, на чужом корабле. – И что же?
- Насчет самого купания, Глен?
- Начальник экспертного отдела кивнул.
- Может, их и правда выбросили, дабы замести следы?
- Тебе не кажется странным, Шор, что их не связали, перед тем как бросить в воду, или попросту не пристрелили?
- Да, это выглядит довольно нелогично, шеф.
- В конце концов, их даже не всех допросили. С чего бы это так поспешно избавляться от всей толпы? Нет, я понимаю, Шор, мы можем сказать, что эти мифические русские все поголовно дураки и думают не мозгами, а задницей, но ведь как-то не вяжется одно с другим – столь умелое разрушение нашего научно-технического центра и столь идиотское обращение с пленными.
- Вообще-то, даже при том, что их сбросили без пуль в затылках, только двое случайно уцелели, так что...
- Но с пулями не уцелел бы никто. Не вяжется это с логикой, – Глен Куинс встал и снова включил кофейник.
- У Шора Якоппо живот уже растянулся от кофе, но внезапно количество тонизирующего напитка скачком обратилось в качество – он даже приподнялся в кресле.
- Шеф, а что, если этот корабль с пленными торпедировали?
- Два балла, курсант. Не ожидал от тебя. А где обломки? И где тогда команда русских?

– Беру свои слова обратно, Глен.

– Ладно, Шор, – Глен Куинс внимательно посмотрел на него, – а если допустить, что в месте сброса пленного корабль противника, со всей остальной эскадрой, разумеется, просто провалился в тартарары? В смысле туда, откуда пришел, а?

– Ага, а посторонние предметы он, значит, забрать с собой не мог, так?

– Именно.

– Черт возьми, шеф, тогда, может, в этот же момент исчез из-под носа охраны этот дурацкий танк?!

– Правильно, Шор. Только момент вряд ли совпал. К тому времени наш флот и спутники уже всю охотились за «пиратами». Здесь, видимо, произошло еще кое-что. Я тут просматривал документы. Эксперты, побывавшие в Форт-Кук, удивляются. Вокруг такие разрушения, была стрельба, в том числе наверняка наземными средствами тоже, а не только с моря. И вот что удивительно.

– Что, Глен?

– Местность прочесали несколько раз, но не нашли ни одной... Как думаешь чего, Шор?

– Гильзы, шеф, – выдохнул Шор Якоппо еще до того, как успел связно подумать.

– Молодец, курсант. Пять баллов. Кофе будешь?

– Давайте я налью.

– Не суетись. Так вот на всем острове Моала не найдено ни одной не только винтовочной, но и снарядной гильзы. Такое ощущение, что «пираты» их все собрали, как преступник после убийства. Но ведь это невозможно, так?

– Ну, не знаю, может, специальные устройства какие-нибудь, – предположил Шор, отхлебывая кофе.

– Ага, – подтрунил Глен Куинс, – «гильзоуловитель». Запатентуй, курсант, покуда не поздно. Однако некий Генри Литскоффер... Не слышал? Это главный в разработке темы, из физиков. Он предполагает, что дело гораздо сложнее и в то же время проще.

– Не томите, шеф.

– Почти всё предположение этого Литскоффера – сплошные формулы. Но я кое-что уловил. В общем, вначале исчезают маленькие предметы, а потом те, что побольше.

– Опять фантастика, Глен.

– Согласен, но при «мозговом штурме» принимают все, что придет на ум.

Шор Якоппо пожал плечами.

21

Список команды

- Итак, у нас нет ровным счетом никаких объяснений произошедшего. Да?
- Да, господин президент. Никаких рациональных объяснений у нас нет, – скорбно констатировал советник по национальной безопасности.
- А что, бывают другие? – президент Соединенных Штатов раздраженно глянул на собеседника.
- Фантазия человеческая, наверное, не имеет границ.
- Спасибо, Луи, одного фантазера мы уже лицезрели, увольте от повторения. У меня нет времени их выслушивать, вот отработаю президентскую пенсию, тогда появится время, а может, даже желание. Есть что-нибудь действительно стоящее?
- Пока ничего, но сейчас век специализации. Я, а также комитет начальников штабов просим разрешения создать специальную группу экспертов, включая представителей науки, а может, даже писателей-фантастов, для...
- Что? – президент с подозрением глянул на Саржевского.
- Господин президент, – поперхнулся советник, – может быть, вы забыли, но при Центральном разведывательном управлении до сих пор существует отдел, занятый изучением фантастики с целью фильтрации идей, связанных с футурологией и разработкой принципиально новых систем оружия.
- Хороший полигон для бездельников. Вот куда расходуются денежки из бюджета.
- Господин президент, нам придется для разрешения проблемы привлечь людей разных отраслей, а не только таланты в мундирах.
- Президент США задумался на пару секунд.
- Ладно, Луи, шила в мешке не утаишь и лучше, конечно, встать перед прессой с готовым объяснением, чем давать уклончивые ответы напротив фотоаппаратов. Примерный список есть?
- Да, есть определенная заготовка.
- Эти люди проверены ФБР?
- Да, безусловно.
- Президент США взял со стола очки. Он перестал пользоваться контактными линзами с момента избрания на высший государственный пост.
- Господи, Луи, а это что – снова этот Леонард Мейти?
- Да, я решил включить его в команду. Ведь вам, господин президент, не понравилось его требование индивидуального предоставления информации.
- И?
- Ну вот и пусть знакомится с ней как член научно-консультативной группы экспертов.
- Да, возможно, это здравая мысль, Луи.

22

Новые идеи

– Все эти происшествия выглядят чистым безумием, как вместе, так и порознь, правда? – загадочно произнес Глен Куинс, посмотрев на подчиненного сквозь облако сигаретного дыма веселыми глазами.

– Да, Глен.

– И какие выводы? Нам нужны новые свидетельства, правда?

Шор не перебивал, он видел, что у шефа возникла новая идея фикс и нужно было просто выслушать, иногда подобострастно кивая.

– То, что случилось, особенно на острове Моала, чудовищно и грандиозно по масштабам. Материал, переданный русскими, не столь впечатляет, тем более что там не над кем поплакать – нет жертв. Однако и там и здесь произошедшее снято на пленку. Но, я думаю, так могло случиться далеко не всегда, более того – пленка и многочисленные свидетели – случайность. В крайнем варианте, там, где не было ни бесстрастной аппаратуры, ни свидетелей, искать вообще нечего, но можно допустить наличие... Чего?

– Отдельных свидетельств, которые нельзя подтвердить другими источниками, – принял телепатическую передачу от начальника Шор.

– Правильно. А где искать таких людей?

– Это может быть кто угодно. Обратиться к населению через телевидение?

– Два балла без возможности передачи, курсант, – констатировал Глен Куинс, откидываясь в кресле. – Секретность темы. Вы о ней забыли. – Ах да.

– Поэтому нам нужны не просто свидетели, а такие, которые были так поражены своими наблюдениями, что они превратились у них в навязчивые идеи. Понимаете?

Шор Якоппо пожал плечами – что толку соревноваться с гением. Тем, кто подчинялся Глену Куинсу, было совсем не обидно и не завидно – каждый знал, что Глен превосходит любого по умственным показателям, а потому находится на своем месте. Вот когда умными командует дурак – это действительно горько...

– Где могут находиться люди, у которых их свидетельство превратилось в манию?

– Может, в сумасшедшем доме? – Шор снова оказался в фокусе телепатического передатчика.

Шеф просиял и, привстав, стукнул Шора Якоппо по плечу.

– Четыре с плюсом, курсант. Надо быстрее шевелить извилинами, если хотите, чтобы они не превратились в кисель. За дело. Полный список учреждений данной направленности по всем странам. Работа большая.

– Вот именно, Глен. С какой стороны посоветуете начать?

– Можно, конечно, с ближайшего к нам, вероятность, похоже, одинакова с любого конца, но я предлагаю начать с тех, которые расположены в прибрежных городах. Догадываетесь, почему?

– Большие несурезицы произошли в океане, так?

– Пять с минусом, курсант. А словечко удачное, так и назовем вашу тему – «Несурезица». Сочините правдоподобное объяснение для любопытных врачей психушек, подберите штат – и за дело.

23

Копошения

«Чего меня сюда занесло? – обиженно раздумывал Ричард Дейн, косясь на своих нынешних коллег. – Что я тут забыл? Чем плохо было летать на родимом „Харриере“ и горя не знать? Подумаешь, сбивают иногда – за все годы всего-то однажды. Теперь надавали допусков, одних магнитных пропусков три штуки – засекретился до жути, некуда пробы ставить. И главное, было бы ради чего. Вначале посмотришь, вроде все серьезные донельзя: компьютеры с утра до ночи насилуют, в бумагах зарылись по уши, словами такими перекидываются, что они от моих мозгов горохом отскакивают, а как всмотришься – господи боже, их занимает сплошная паранормальная бесовщина. Куда до нас газетенкам, на каждом углу продаваемым. „Спецы по тарелочкам“? Всегда пожалуйста. Вот недавно являлся какой-то Леонард. Долго тут ходил с Люком Безелем под ручку, глаза прямо горели, словно не лабораторию для „мозгового штурма“ лицезрел вокруг, а милое сердцу блюдце, совершившее на лужайке вынужденную посадку, руки встречаемым пожимал так, словно шупал за гениталии ненаглядных „зеленых человечков“. Парapsихологи? Пока не было, но навевается иногда некий цэрэушник или фэбээровец (кто их различит?), предложивший создать поблизости приют для психов, не вписывающихся в некие стандарты. Кто их знает, те стандарты? Говорят, психи и гении имеют некоторое сходство. Судя по большинству окружающих, в сумасшедшие дома можно не ездить – своих чудиков хватает. И надо же, некоторые из них имеют звания и воинские специальности».

Самого Ричарда Дейна периодически приспособляли для наименее интеллектуальной работы. Беда в том, что в группе полковника Безеля таковой практически не имелось. Приходилось маскироваться. Среди дураков чем больше говоришь – тем умнее кажешься. Здесь был обратный случай. Ричард Дейн все больше отмалчивался, и это создавало вокруг него маскирующую ауру. Еще, конечно, мимикрии помогал широкий спектр представленных здесь характеров и специалистов; если бы вокруг находились узкие мастаки какой-либо одной отрасли, они бы с ходу опознали в Ричарде Дейне дилетанта.

В конце концов Ричард Дейн прижился в подгруппе, занятой радиофоном, сопровождающим «молочный туман». Он с невозмутимым видом просматривал на мониторе диаграммы спектральной плотности и, если замечал какие-то отклонения, сообщал об увиденном «спектам». По мнению Ричарда Дейна, эту «работу» какая-нибудь не слишком умная компьютерная программа могла бы спокойно делать сама, однако он держал при себе эту крамольную мысль. Кто знает, возможно, привлеченные к «теме» программисты были и без того заняты по уши, а нанимать кого-то со стороны чрезмерно суматошно, учитывая массу допусков и разрешений. Или же, как всякая растущая вширь организация, группа, созданная для решения проблемы, начинала обзаводиться всяческими присущими любому бюрократическому ведомству иррациональными свойствами.

24

Близкие ужасы параллельного мира

С самого начала проблема поиска «аномалий» в сумасшедших домах, ввиду своей громадности и расположенности лечебных учреждений данного направления везде и всюду, потребовала привлечения к делу представителей разведки других стран. Но на начальном этапе ограничились сотрудничеством с Россией, одной из немногих, поставленных в известность о случившемся – главным подозреваемым, но и главным помощником одновременно.

И именно российским разведчикам повезло первым.

Да уж, здесь было на что посмотреть и чему ужаснуться. Мы ищем непонятный выход в другой мир, новые измерения, а вот здесь, всего лишь за забором с окантовочкой колючей проволоки, в нашем родном измерении – умопомрачительная (в буквальном смысле) нереальность. Психиатрическая лечебница за номером два города Хабаровска.

Может быть, правы солипсисты в том, что внешний мир зависит от внутреннего и, более того, оттуда происходит? Ведь те, кто находится здесь, в этом заборном ареале, отгорожены от нашего мира вовсе не решетками, они отгорожены от него собственной серой пеленой. Наши глаза не фотоаппараты, которые, конечно, тоже видят мир по-своему, в зависимости от чувствительности пленки и многого прочего, но глаза наши еще хитрее – они складывают в рецепторах свою картину, похожа она или вовсе не похожа на внешний мир – кто ведает? А дальше из этой, хоть как-то отражающей реальность бутафории начинает ваять, отсекают лишнее или налепливать канделябры с бусами сложнейший в метагалактике прибор. Те, кто плетет в нейронных сетях более-менее сходные миражи, раскрашивают маскировочную сеть природы в похожие клоунские одеяния, воспринимают ее бесконечную равнодушную песнь как подобострастный гимн великому «я», те считаются нормальными. Остальные отсекаются «колючкой». У них своя жизнь, ботинки с изъятymi шнурками, а у их вселенной свои арлекинские лоскутки. Благо мы не телепаты – это ввело бы нас в состояние непрерывного шока, в большую-большую комнату с кривыми зеркалами, из которой нет выхода. А может, потому ее и нет, этой самой телепатии?

И на входе старшего лейтенанта Панина и его помощника лейтенанта Бахарева, одетых, разумеется, не в форму и снабженных фиктивными журналистскими удостоверениями, встретил невысокий плотный доктор – Солнцев Яков Макарович. С ним они и прошли по этому царству иных вселенных. Кто-то говорил, что в нашей Солнечной системе, на планете Земля, в государстве Россия давно наступила пора гласности, открытости и свободы? Что ж, в мире случается всякое, тем более что внешний мир проистекает из внутреннего. Кто-то видит так? Рад его оптимизму и бодрости.

Однако здесь, в психушке номер два, нужно было обладать воистину розовыми контактными линзами, дабы лицезреть свободу и процветание. Но, кроме этих виртуальных вещей, здесь все-таки имелось много чего.

Например, большой двадцатилетний дядя по кличке Мамочка, с пальчиками толщиной с предплечье неслабого человека Панина, находился здесь с детских лет, с тех пор, как окружающие уразумели, что его личная вселенная представляет собой зауженный, непохожий на прочие, мир. Тогда от него отказались родители, а уж всем остальным никогда и не было до него никакого дела. Он не умел говорить, просто мычал подобно тургеневскому Герасиму и, наверное, точно так же он мыслил. А когда его сверхъестественная физическая мощь, паровые молоты кулаков и бешеная удаль тела, вычерпавшая предназначенные мозгу ресурсы, стали опасны... Не было ничего страшного, когда расшалившийся пятилетний Мамочка прыгал по прочным, привинченным к полу кроватям, но когда это стал совершать стодвадцатикилограм-

мовый дядина, способный мизинцем свернуть опорную дужку этой самой кровати... вот тогда стало не до шуток. И ситуацию разрешил Яков Макарович, нашел стихию, эдакий нуль-переход в еще одну вселенную, в которую теперь пациент и житель спецбольницы Мамочка мог сбрасывать энергию безболезненно для окружающих. Это было просто гениальное решение, сравнимое, пожалуй, с изобретением колеса. Вы думаете, Мамочку нарядили в тройную смирительную рубашку и завязали ее рукава на века? Отнюдь нет. «Смотри», – сказал Мамочке в тот решающий день доктор Солнцев. И затем намотал на пальцы пациента тоненькую, связанную кольцом, резинку. Знаете, та, что зовется «венгеркой»? «Теперь делай так», –скомандовал Яков Макарович, расставляя руки Мамочки несколько пошире. После он тронул «венгерку», и она задрожала, издав мелодичный затихающий звук. И все. Только с тех пор Мамочка ходил по территории свободный как ветер. Внешне свободный. Зато там, внутри, его небольшой, неповоротливый разум попал в ловушку, угодил в цепкие лапы неразрешимой загадки, чего-то вроде решения биннома Ньютона его уровня. Теперь его глаза были постоянно сведены в точку, уши отслеживали один и тот же повторяющийся аккорд, а его чудовищные пальцы, способные ломать кирпичи или плести узоры из радиаторов отопления, в общем вся его дурная гориллообразная силища занималась одним и тем же – вслушивалась и наблюдала, как дребезжит между указательными перстами намотанная на них тончайшая резинка. Именно на ее дребезжании и схлопывалась его мощь. И так с утра до ночи, а может быть, и ночи напролет. Мамочка любил курить, но даже это занятие он не мог теперь себе позволить, ему стало некогда. А когда ему предлагали, он просто кивал с мычанием, не глядя на собеседника своими поглощенными другим зрелищем глазами. И тогда ему прикуривали и совали фильтром в рот. И он снова кивал и следовал дальше, поскольку ноги сами несли его куда-то. Это была поучительная история о том, как человека находит призвание.

А кроме этого, вокруг присутствовал повседневный быт.

Здесь была одна койка на двоих, без матраца, подушки и белья, но спали в одну смену, и потому один спал на пружинах, а один на полу, как бы на нулевом ярусе. А когда нянечка приходила по утрам мыть полы в палате, ее никто не видел, покуда она не ошарашивала двух-трех шваброй по хребтине. И тогда они вскакивали, пытаясь подобострастно сконцентрировать зрачки на начальнице. Она совала тряпку тому, кто ближе, а он резво и привычно начал лазать под этими привинченными кроватями и по-своему стараться, дабы не получить по хребтине еще разок. А два раза в год здесь бывали отпуска, и тогда больные разбредались по городу, считалось – на несколько дней, но реально до вечера, потому как тот мир был для них дик, неуютен и совсем не обжит, а потому «Скорые» с мигалками весело собирали урожай по улицам и на дому. И когда их спрашивали: почему? Ну, например, почему вы ударили того человека на остановке? – те, кто умел выражать мысли словами, поясняли: «А почему эти на меня смотрят?» Это была логика, и для них она, конечно, была железной. Однако даже такие каникулы-отпуска на «волю» были не для всех. Те, от кого давным-давно отказались, кому не приносили передачи и кого не посещали, не имели таковой привилегии. Их судьба была решена пожизненно. Страшно ли это? Мы все несколько связаны в этом мире.

А еще здесь любили коллектив. Любили ходить, взявшись за руки, дабы доверить другому штурманскую работу в этом сложном для навигации мире. И обувь завязывали бинтами, вместо шнурков.

А еще здесь любили великий спорт – шахматы, безопасный особенно при наличии картонной доски. Некоторые умели играть. Более того, вселенные некоторых были замкнуты на шахматах. Было бы интересно выставить местных чемпионов на тур международного уровня, ведь мозги любого гроссмейстера все же хоть иногда отвлекаются от любимого дела, а здесь – только стрельба по цели, попытка вести пули до конца, до лобового столкновения. Вот только проигрывать здешние чемпионы не любили, может, потому и доски деревянные здесь мало применялись. Кто знает? А вот призы были – сигареты. И уйма болельщиков, степенно поче-

сывающих макушки и затылки. А некоторые подпирали кистью головы, и с них вполне можно было ваять скульптуры архимедов и спиноз.

В общем, Павел Львович Гриценко представлял среди этого царства абсурда умильную картину – ну просто ясное сухое утро после дождливой бесконечной осени в лужах. Павел Львович сидел на лавочке, вкопанной и вбетонированной в землю так основательно, что она вызывала ассоциации с «линией Маннергейма». Больной был один, взгляд его устремлялся вдаль, пронизывая стены и колючую проволоку насквозь, куда-то в другие миры, абсолютно не связанные с этим.

– Он представляет опасность? – с сомнением поинтересовался Роман Владимирович Панин у сопровождающего врача.

– Нет, никакой. Но он полностью неизлечим, его галлюцинации заслонили все. Кроме того, за время нахождения у нас его никто не посещал. Вообще-то наши пациенты имеют отпуска раз в полгода. Однако те, кто никого из родственников не интересуется, помещаются со временем сюда. Они обречены до конца дней коротать свои дни тут. А Адмирал спокойный человек, только несколько раз были припадки.

– Вы пытались найти его родственников?

– Да, это обязательное дело. Поверьте, нам вовсе не интересно держать здесь лишних – учреждение переполнено: на каждую койку в среднем по два с половиной пациента. За последние лет десять сумасшедших в стране прибавилось.

Панин внезапно решил спросить о постороннем:

– А вас, Яков Макарович, что тут держит? Если не секрет, конечно.

– Деньги, льготы, ранняя пенсия, – жестко обрезал доктор и тут же признался: – Да вообще-то я больше ничего и не умею, как следить за **ЭТИМИ**.

– Понятно. – Панина смутила его злоба, и он ушел от темы. – А можно поговорить с этим... пациентом?

– С Адмиралом? Это мы его так называем. Еще бы нет. Тут я могу не волноваться, что вы его по незнанию чем-то зацепите. Он действительно интересный экземпляр. Похоже, правда, бывший моряк. Но мы, помнится, уведомляли Министерство ВМФ и гражданский флот. У них такой не значится.

– Тогда мы побеседуем.

– Валяйте.

25

Ловцы

Гигантская мощь находилась под его ногами, и вся она ему подчинялась. Далекий нос исполина резал безразличное к боли море, вдавливая в него шестьдесят пять тысяч тонн своего водоизмещения, толкаемого вперед тремя неутомимыми котлотурбинными установками. А впереди, ниже адмирала Гриценко, пялились вдаль, в неизвестность, орудия двух передних башен – молчаливые, 406-миллиметровые, ждущие своего часа. Гриценко взирал на них сквозь откинутые защитные створки боевой рубки. Самого адмирала со всех сторон прикрывала от внешних опасностей толстенная – более четырех сантиметров – броня.

Шел тысяча девятьсот пятьдесят пятый год. Уже отшумела заваруха в Корее, когда заокеанские варвары не смогли придумать ничего иного, кроме десяти атомных зарядов, чтобы остановить освободительную армию Мао. Если не считать разгорающегося очага сопротивления в Южном Вьетнаме, партизанской войны на Тайване, в Индонезии, в Таиланде, Камбодже и Бирме, Восточная Азия была хоть куда, по крайней мере в морях и океанах. Однако сейчас боевое соединение адмирала Гриценко несло со скоростью двадцать восемь узлов по давно ставшей родной для советских моряков акватории Филиппинского моря вовсе не на учения. Оно рассекало волны, готовое и желающее ударить из своих главных калибров по прямому, смертельному врагу. Соединение было небольшим, всего три корабля, из них один линкор, два других – тяжелые крейсера, уменьшенные копии двухсотсемидесятиметровой громадины «Советская Украина». Линкор был старым морским волком, вторым в серии после «Советского Союза», потопленного в неравном бою с янки в Большом Австралийском заливе возле Тасмании зимой сорок восьмого. В свое время Гриценко, еще не адмирал, а капитан первого ранга, присутствовал на спуске «Советской Украины» со стапелей осенью сорок четвертого в красивом городе Николаеве. Этот корабль стал тогда необходимым пополнением к морально устаревшему трофейному флоту, реквизированному у империалистической Италии и подстилки фашистов – территориально обрезанной Франции. Конечно, он был чрезмерно силен для узостей Средиземного моря, да и не нужен после полного вытеснения оттуда Владычицы морей. Но тем не менее линкор успел поучаствовать в боях, продемонстрировав на деле свою мощь и дальноточность. Так что когда через два года его подменили «миниатюрные» – двести пятьдесят метров длиной – красавцы «Севастополь» и «Николаев» с меньшими калибрами, но зато более подвижные и маневренные, линейный корабль отправился в изначально назначенную ему широкую акваторию, в которой можно развернуться на славу. И тогда вице-адмирал Гриценко был рад встретить своего друга здесь, хотя в распоряжении Тихоокеанского флота имелись теперь куда более мощные трофейные линкоры типа «Ямато». Но ведь кашу маслом не испортишь? Тем более что империализм никак не желал покуда загнивать окончательно, даже несмотря на помощь, оказываемую ему в этом деле всем прогрессивным человечеством.

Может, именно из-за ностальгических воспоминаний по теплему обжитому Средиземному Павел Львович Гриценко и любил «Советскую Украину» и вообще все линкоры этого типа гораздо больше, чем «Мусаси», переименованный в «Лаврентия Берия». На нем Гриценко тоже служил некоторое время, пугая засевших на Окинаве империалистов девятью великанскими калибрами. Но почему-то адмирал недолюбливал эти умело созданные угнетенным ранее народом Японии двухтысячетонные вращающиеся башни и пагодообразные палубные надстройки, свое, отечественное казалось лучше. Даже несущиеся сейчас впереди лидера тяжелые крейсера «Ленинград» и «Сталинград», сильно уступающие в мощи и, по мнению Гриценко, напрасно пригнанные из Мурманска, нравились ему больше японских монстров. И очень жаль, что эти островные чудеса являются последним достижением века линкоров, теперь

даже партия вынуждена признать преимущества авианосцев. Не зря завершаются на стапелях в заливе Муцу гиганты, тайно строящиеся Северной Японией по заказу СССР. Они станут усовершенствованными копиями «Чкалова», бывшего «Синано», все еще самого большого авианосца социалистического лагеря, а не братьями потопленного «Ямато», размеры и броневую оснастку которого они полностью копируют. Когда они будут завершены и снаряжены летающими «ястребами» с Саратовского авиационного завода – а Гриценко знал, что, согласно пятилетнему плану, это произойдет в следующем году, – Тихий океан и его восточные окрестности окажутся под надежным присмотром.

В боевой рубке Гриценко находился не один. Рядом стоял молчаливый капитан первого ранга Серегин – командир корабля, а еще несколько офицеров и мичманов занимались своей работой или ждали команды, готовые в любой момент к получению приказа и выдаче нужной начальнику информации. Однако среди присутствующих только Гриценко и Серегин знали боевую задачу соединения. А задача была сложна и очень необычна, можно сказать неприятно необычна. Когда Гриценко принесли радиограмму из Центрального штаба Тихоокеанского флота (ЦШТФ) и расшифровали ее, он был поражен. В ней говорилось о том, что с советской базы Порт-Артур угнан лицами, подкупленными американским империализмом, новейший боевой линейный корабль «Иосиф Сталин», только полгода назад прибывший с Северодвинских верфей. В настоящий момент «Иосиф Сталин» пересекает Восточно-Китайское море с запада на восток, предположительно с намерением выйти на просторы Тихого океана. Точный дальнейший маршрут линкора неизвестен. Предупреждены советские подводные лодки, дежурящие возле островов Окинава. Однако вдоль всей северной части гряды островов Рюкю у ВМФ нет кораблей, способных остановить семидесятитысячетонного гиганта. Более того, во всей акватории нет находящихся в готовности линкоров с равными калибрами: базирующийся в Кавасаки «Лаврентий Берия» имеет повреждения средств навигации и боевого управления, после того как местный рабочий-камикадзе принес на борт тротильный заряд. Сейчас в порту идет расследование, однако эта информация к делу не относится, тем более что «Берия» все равно уступает «Иосифу Сталину» в скорости, а значит, не способен его перехватить. Беспокоить и смещать из района дежурства авианосец «Чкалов» командование также не считает возможным из военно-политических соображений. «В этом пункте они правы, согласился про себя Гриценко, авианосец не пойдет в одиночку – придется двигать целое соединение». В конце шифрограммы говорилось: о случившемся должны знать как можно меньше людей, и они обязаны дать расписку о неразглашении. А задание, полученное соединением Гриценко, было очень простым и ясным – догнать и потопить линейный корабль «Иосиф Сталин», куда бы он ни направлялся. И сделать это, даже если он окажется на американском рейде. Простенькое задание, ничего не скажешь. Для начала нужно было обнаружить беглеца. Велик корабль, да и Тихий океан не мал. А «Иосиф Сталин» – носивший на стапелях название «Советская Белоруссия», но после смерти лидера коммунистов всего мира срочно переименованный, – имел дальность хода достаточную, чтобы без дозаправки достигнуть Гавайев, Новой Зеландии или даже Калифорнии. Гриценко очень надеялся, что так далеко преследовать его все же не придется. В тысяча девятьсот пятьдесят пятом еще не появились спутники разведки, и, видимо, поэтому адмирал Гриценко не учитывал их в своих размышлениях. Зато в ангаре «Советской Украины» имелось четыре гидросамолета марки «КОР-3», способных обзирать местность с высоты.

Однако для начала соединению адмирала Гриценко нужно было решить задачу, постоянно возникающую перед советскими кораблями, базирующимися в очень опасно расположенной базе флота – Кагосиме. Нужно было отойти от пирса, не привлекая внимания мирового империализма. В свое время операция по захвату южной части острова Кюсю являлась отвлекающей, но поскольку она неожиданно удалась, здесь создали базу как живой символ непобедимости социализма. С тех пор военные суда находились под постоянным наблюдением

американской военщины. Со своей стороны залива янки запросто рассматривали в бинокль даже лица часовых. Со шпионажем Америки боролись своеобразно – практически непрерывно висящей над портом дымовой завесой. Местные жители своими лицами напоминали шахтеров, выбравшихся на поверхность после тяжелой смены.

По поводу спешного выхода из порта «Советской Украины» дыма пришлось напустить более обычного. Все бы ничего, но движение в не очень широкой акватории в искусственной тьме имело свои особенности. Не раз и даже не два советские суда получали повреждения от взаимных столкновений. У заокеанской военщины оставались еще радиолокаторы. С ними, конечно, тоже боролись – окружающий эфир был плотно забит высокочастотными помехами, но полной уверенности в сохранении таинственности по-прежнему не существовало. Именно по этой причине Павел Львович Гриценко и недолюбливал очень сильно южнояпонский район дислокации.

Однако на этот раз обошлось без таранных ударов между собственными судами, слава богу или вечно живому Ильичу.

И вот теперь три корабля и четыре самолета неслись вперед, и большинство людей из тысяч участвующих в походе были уверены, что следуют на учения. Те из них, кого непосредственно не коснется бой, кто будет заперт тесными переборками или загружен тяжелой работой в машинном отделении, так навсегда и останутся в своем неведении.

Гриценко размышлял, его высокая должность позволяла это делать, и никто ему не мог помешать. Возможна ли вербовка капиталистами более чем двух тысяч человек команды, думал он, или даже нескольких сотен офицеров? (Советские корабли, как и ранее, отличались более плотным наполнением офицерами по отношению к общему количеству личного состава по сравнению с западными стандартами.) Любому понятно, что это исключено. Так что же случилось с кораблем, носящим столь дорогое для прогрессивного человечества имя? Конечно, американским агрессорам, сеющим вражду по всему миру, очень бы пригодился новейший советский линкор, но как бы они организовали такую провокацию? Значит, империалисты здесь ни при чем, с досадой прикидывал Гриценко, а имеем мы дело с новым броненосцем «Потемкиным». И обречено это восстание, или бунт, или контрреволюционный мятеж, как кому нравится, на полный провал. Потому как тогда, в тысяча девятьсот пятом, броненосец хотя бы имел возможность прибыть в нейтральный порт, и иностранное правительство могло сквозь пальцы посмотреть на разбегающийся крысами личный состав. Однако в настоящее время давно нет нейтральных портов, все страны, так или иначе, втянуты в разрешение вопроса о преимуществах той или этой социальной системы. На что вы надеетесь, ребята? – спрашивал сам себя адмирал, мысленно обращаясь к выслеживаемому линкору. Вам не все нравится в социализме и его методах распространения по миру? А думаете – мне все нравится? Но ведь это временные издержки, подстегиваемые самой историей решения. Нужно смотреть в перспективу. Да, дольше, чем планировалось, затянулась предкоммунистическая стадия развития, но ведь не мы же виноваты. Виноват самый агрессивный строй в истории – империализм. И, может, хорошие вы ребята, но плохой у вас был замполит. И плохой у вас был на корабле кагэбист, что не выявил зачинщиков вовремя, и теперь вместо малой прольется большая кровь. И плохой у вас был капитан, раз не почуял неладное в команде и не смог подавить бунт в зародыше. Хотя, что я знаю, размышлял Гриценко, что я знаю о них? Может, восстание и поднято объединенными усилиями всех перечисленных начальников? Но тем не менее нельзя поверить, что вся команда добровольно поддержала бунт. А значит, должна была иметь место борьба, классовая борьба. И тогда это оправдывает принимаемые сейчас меры.

Радиус действия орудий «Советской Украины» был чудовищным, он даже превышал достижения потопленного американцами «Ямато» – семьдесят три километра! Ничего себе! Правда, у «Иосифа Сталина» он был не намного меньше, к тому же он владел калибром сорока пяти миллиметров, против четырехсот шести миллиметров «Украины», но зато у нее было

на три орудия больше, и еще с ней в группе были тяжелые крейсера. Одинокий «Сталин» не имел шансов, разве что внезапный ураган не позволит катапульте запускать самолеты и тогда группа Гриценко не сумеет найти новый «Потемкин». Или еще вариант – империалисты действительно в курсе, и на помощь мятежнику несутся линкоры класса «Миссури» или, того хуже, авианосцы. Вот будет заварушка!

Адмирал посмотрел на шурящегося в восходящее солнце Сергеева. Понимает ли ситуацию этот молчаливый капитан? Наверняка понимает, есть у любого советского человека чутье на трудности.

– Капитан, – сказал он, отворачиваясь от созерцания передних башен, – наверное, пора нам делить нашу боевую группу. В эфир выходить не будем, дайте флажками сигнал на крейсера, пусть набирают максимальный ход, у них ведь скорость на пять узлов больше нашей. Пускай раздельно уходят вперед и следуют вот сюда, – Гриценко пододвинул карту, лежащую на столе. – Надо перекрыть максимально большую площадь.

– Все ясно, товарищ адмирал, – кивнул ему Сергеев.

26

Псих

– Здравствуйте, Павел Львович!

Он вздрогнул, но не сразу повернулся к ним, видимо, поборол что-то в себе, задавил нечто в выражении лица. Когда он наконец обернулся, Панина поразила его ужасная старость.

– Сколько вам лет, Павел Львович? – спросил он, чтобы с чего-нибудь начать.

– Какой сейчас год? – у него был негромкий, сухой, отчетливый голос.

– Две тысячи пятый, – не моргнув глазом ответил Панин – когда находишься в таком отгороженном от мира месте, абсолютно не надо ничему удивляться.

– Я родился в тысяча девятьсот семнадцатом. Вы хоть помните, что случилось в тот год?

– Помним, Павел Львович. Так вам, значит, уже восемьдесят восемь? Солидно.

– Вас интересует что-то еще? Может, мое здоровье? Не надейтесь, истерик я больше устраивать не буду, так что я совершенно здоров, по крайней мере психически. А другие болячки – не каждый доживает до моих лет.

– Курите? – Панин протянул ему открытую пачку «Кэмела». – По-моему, в вашем возрасте уже не опасно продолжать.

– Американские? – Адмирал с сомнением покрутил сигарету перед глазами. – Все американское, вот черт.

– А вы не любите американское?

– Нет, не люблю.

– Не волнуйтесь, это лицензионные, из Ярославля.

– Успокоили...

– Расскажите нам о себе.

– Вы мою память проверяете? Не свихнулся ли я от всего этого?

– Нет, что вы.

– Да не врете вы! Я вот одного не пойму. Ну, не угодил я кому-то в министерстве. Но ведь прошло столько лет, что же вы из меня в самом деле узника замка Иф делаете. Сколько можно продолжать комедию? Столько врачей в ней участвуют, жуть. Эсминец новый, наверное, дешевле стоит, чем потрачено на весь этот цирк. Даже газеты несуществующие периодически сочинять вам не лень? На вас, наверное, не один писака-сочинитель работает, правда? Даже фото в газетах подбираются. Сколько труда – обалдеть можно.

Панин не перебивал. Собеседник разговорился – этого ведь они и хотели.

– Я, конечно, понимаю, что не один я в фокусе этой операции, наверняка есть и другие. Но логики, расстреляйте меня большим калибром, не улавливаю. Зачем? На черта все это надо?

– Да нет, Павел Львович, мы вовсе не проверяем вашу память, – Панин сделал незаметный знак своему напарнику, и тот как-то быстро и тактично исчез. – Мне интересно послушать вашу историю, правда.

– Ладно, куда деваться. Делать все равно нечего. Что вам выдать-то?

– Да на ваш вкус, по настроению.

Адмирал усмехнулся:

– Смотрите после моей истории не попадите ко мне в напарники. У меня, как понимаю, уже пожизненное, а вот вам стоит побережиться.

– Это вы к чему?

– Да насчет шестого отдела, конечно. Гриф секретности. Мне за разглашение дать нечего, в конце концов, я – псих.

– Бог с ним, рискну, выслушаю вашу историю...

27

Предатель

Теперь вид с мостика был не так широк: боевые щитки задвинулись, и перспективу можно было обозревать исключительно в специальные щели либо еще более сложно – через перископы и бинокляры. А там, на безлюдной палубе, задраенной на все задвижки, вершилось красивейшее действо. Огромные орудия главного калибра фиксировали наклон, задирались по вертикали, подчиняясь умелым маленьким рукам хрупких разумных млекопитающих, впечатанных во внутренности огромных механизмов в качестве их чувствительных составляющих. Каждая башня представляла собой подобие термитника, где каждый из членов «коллектива» был занят своим, строго определенным делом. Дел тех было столь много, что любая трехорудийная громадина требовала внимания сотен живых компьютеров, снабженных двумя манипуляторами, изобретенными природой-мамой в незапамятные времена. И даже этой муравьиной армии было мало сорокасантиметровым калибрам, кажущимся совсем небольшими по сравнению с жерлом кормилицы экскурсоводов Кремля – Царь-пушки. Однако эта девятка отшлифованных стальных полостей требовала к себе внимания не только основного расчета, но еще и боевой рубки, а через нее и пилота «КОР-1», барражирующего в пятидесяти пяти километрах южнее «Советской Украины».

Совсем недавно летающий разведчик обнаружил мятежный линкор. Но уже полтора часа назад что-то начало меняться в окружающей действительности. Это изменение почувствовал не только адмирал, но и другие люди, находящиеся в основной боевой рубке. Момент, когда ожидание достигло апогея, наступил при потере радиосвязи с гидросамолетом за номером три. Конечно, это могло быть случайностью, но каждый опытный моряк немножечко фаталист, и потому случайность – неизвестное ему явление. А здесь, в рубке, находились лишь опытные военные моряки.

К месту возможной аварии «КОРа» номер три направили «Сталинград», находящийся ближе. Конечно, он ничего не нашел – ни в небе, ни на поверхности воды гидроплана не было. Может, где-то и плавали его обломки, только обнаружить их не удалось. Ну а на тщательные поиски времени не имелось. Хотя сами преследователи старались по возможности хранить радиомолчание, исключая общение с самолетами; иногда приходили вести с военного ретранслятора Кагосимы. Так, им сообщили, что «Иосиф Сталин» был замечен с подводной лодки севернее островов Бородино и путь его лежал на юго-запад. И это было очень хорошо, потому что означало, что расстояние между противниками сокращалось.

И, наконец, был установлен визуальный контакт с самолета. Когда координаты обрабатывали на арифмометрах, закипела работа, а уж когда расстояние вошло, вписалось в боевой радиус поражения, зашевелились длинные звенья боевой цепочки. Однако не все шло гладко – красивого избиения не получалось. Наведение осуществлялось в загоризонтную цель с помощью пары «КОРов», парящих на достаточном удалении от «Сталина», вне досягаемости его противоздушных орудий. Зенитчики «Украины» и тяжелых крейсеров тоже были начеку, опасаясь встречной воздушной разведки со «Сталина». К их счастью, никаких вражеских, в смысле предательских, гидросамолетов с борта выслеженного линкора не поднималось. Причин для этого можно было придумать целую гору. Гриценко с Сергеевым обсудили некоторые из них. Например, в процессе захвата полного контроля над кораблем летчики могли быть убиты или арестованы, либо им просто не доверяли, опасались, что, получив в распоряжение воздушное судно, они тут же сдадутся.

Срыв произошел в самом конце первичной фазы подготовки. Когда девятка орудий уже была наведена и с уст капитана Сергеева была готова сорваться команда «Огонь!», с гидроплана номер два поступило истерическое сообщение. Его обстреливали. В этом не было ничего

необычного, за исключением расстояния – слишком велико оно для эффективного артиллерийского огня. И сразу пришло такое же сообщение от «КОР-1». Затем связь с обоими оборвалась.

– Что будем делать, товарищ адмирал? – спросил капитан первого ранга Сергеев.

– Огонь, капитан, огонь, – процедил Гриценко, – координаты каждую секунду меняются. И ухнуло.

– Четвертый «КОР» в небо, капитан! – когда отлегло в ушах,скомандовал Гриценко. –

А мне – связь с берегом.

– А радиомолчание? – тихо возразил Сергеев.

– Не лезьте не в свое дело. Кодировщика ко мне!

Телефонограмма адмирала Гриценко была следующего содержания: «Прошу срочно объяснить, какими системами ПВО обладает противник и какими еще новинками он оснащен? Гриценко».

Ответ из штаба флота не слишком задержался.

– Вы видите, Борис Иннокентьевич? – с едва сдерживаемой злобой процедил Гриценко, протягивая Сергееву раскодированную шифrogramму. – Они извиняются, что не предупредили. Оказывается, «Иосиф» оснащен новейшей ракетной системой на основе немецких разработок, однако, поскольку система является совсекретной, они не могут раскрывать ее параметры по радио.

– Надо отозвать последний «КОР», товарищ адмирал, – сказал Сергеев.

– Да, немедленно. Придется ввести наши крейсера в зону прямой видимости, будут служить корректировщиками. Зато руки у нас теперь развязаны в полном смысле, не мы первые начали убивать, правда?

Капитан Сергеев кивнул.

28

Поиски корней

– Так вы считаете, Павел Львович, что против вас создан глобальный, вселенский заговор с целью раскрашивания реальности в другой цвет?

Адмирал, уже привыкший курить «Кэмел», посмотрел на Панина прищурившись, но промолчал.

– Так вот, сегодня мы забираем вас из этого заведения. Забираем насовсем.

– А что, я уже признан нормальным?

– Естественно.

– И мне можно будет посетить семью?

– Павел Львович, к сожалению, несмотря на все наши попытки, мы не смогли обнаружить никаких следов вашей семьи, вашей жены или сыновей.

– Жена моя давно умерла, она похоронена на русском кладбище вблизи города Кагосима. Мой старший сын погиб в Южно-Китайском море в шестьдесят седьмом. Жив был только младший – Геннадий. Ему сейчас где-то пятьдесят восемь.

– В Японии на могиле супруги вы пока побывать не можете, но если вам известно, где похоронен старший сын, естественно в пределах России, мы вам это устроим.

– Он в коллективном захоронении во Владивостоке. Тела его, конечно, там нет, но хоть на памятник цветы возложить.

– А почему останков там нет?

– Но ведь бои были возле Филиппин, когда мы отсекали американский флот... – Адмирал подозрительно вскинул брови. – Из его экипажа не спасся никто. Он, несмотря на мои возражения, захотел стать летчиком, но, может, из уважения ко мне – морским.

– Ясно, – сказал Панин, хотя ему ничего покуда не было ясно. – Владивосток, это реально. Попробуем найти этот памятник.

29

Наказание

Линкор застопорил свои неисчислимые лошадиные силы и теперь покоился относительно широт и меридианов, зато какой шумный он стал, он мог бы поспорить с иерихонскими трубами, если бы такие завели свою песню где-нибудь поблизости. В моменты, когда лопалась по шву незримая воздушная ткань, люди несколько секунд завидовали глухим и тут же ими становились, правда, не навсегда, а так, на какое-то время. Хотя у некоторых, особо чувствительных натур или у организмов, находящихся в стадии роста, залповые сотрясения могли вызвать и необратимые изменения вредного свойства. Но что стоило сокращение назначенного биологией жизненного предела по сравнению с эйфорией участия в сложном, глобальном апофеозе разрушения?

Три тяжелые башни «Советской Украины» создавали вокруг себя заколдованную зону, в которой даже море втягивалось в новую для него игру и сбивалось с темпа равномерных плесканий. Со стороны торчащих за борт орудий, на сотни метров от корабля, океан дергался рябью и гасил свои собственные колебания. Но башни «Украины» палили в невидимку, скрытого кривизной планеты. И где-то далеко, за синей гладью морской, пикирующие из атмосферных высей снаряды, незримые для медлительных человеческих глаз, врезались в радиосигналы-отражения собственных дистанционных взрывателей. И тогда неумолимо замыкались цепи и рвались детонаторы. 406-миллиметровые снаряды были глупы – они будили свои запалы не только над «Иосифом Сталиным», но и над зеркалом воды, стремясь своей последней активностью сгладить промашку предавших их артиллеристов. Но это была часть статистики – большая часть, плата законам баллистики за везение. Стрельба в загоризонтную, отстоящую более чем в пятидесяти километрах цель, огромную вблизи (ширина палубы тридцать два метра и корпус в четверть километра), но столь малую сравнительно с пробитым снарядами расстоянием. Это ведь не грядущие ракеты с головками самонаведения и рулями управления – эдакие самоубийцы, наслаждающиеся равенством сигналов-отражений от размещенных на носу локаторов и сразу включающие двигатели-корректоры, когда равенство нарушалось. Нет, это были очень простые, тяжелые болванки сравнительно с достижениями будущего. Но, однако, когда такая штукавина исчезала, разрываемая изнутри химией, на «Иосифе Сталине» начинали происходить мгновенные чудеса. Прочнейшие предметы, на крепление коих затрачивалось в доке по несколько часов – типа броневых плит передней палубы, толщиной в десять сантиметров, – внезапно срывались со своего места или выворачивались, рождая острейшие углы. Да, линкор был построен на славу, и отдельные снаряды не способны были нанести ему значительные увечья. Однако снарядов было множество.

– Знаете, Борис Иннокентьевич, – высказался наконец Гриценко, закуривая, что с ним бывало редко, – наше счастье, что Великий умер.

– Да? – оторопело посмотрел на адмирала Сергеев.

– Представьте, как бы выглядело потопление линкора с таким названием, если бы он был жив?

Сергеев улыбнулся кисло, и Гриценко сменил тему.

«Советская Украина» находилась в полной безопасности, система отслеживания локатором снарядов и определения по их траектории местоположения стреляющего была еще относительно несовершенна. Посему «Иосиф Сталин» со своими гигантскими орудиями был для нее не страшен, чего совсем нельзя было сказать о тяжелых крейсерах. Они находились в зоне непосредственного огневого воздействия 457-миллиметровых главных калибров и даже в зоне деятельности 152-миллиметровых гаубиц, помещенных по бортам линейного корабля, и бил он всей своей силищей по видимым в стереодальномеры целям, то есть очень точно. «Ленин-

град» и «Сталинград» не стояли без дела, они тоже огрызались, но все же их укусы походили на хватку шакалов в сравнении с прессом львиных челюстей. У них тоже имелись орудия в триста пять и сто пятьдесят два миллиметра, и поскольку они тоже определили цель визуально и аппаратура наведения их была изобретена теми же конструкторами и собрана в одном и том же цеху, то и били они так же точно. Вот только калибры у них были послабее и броня пожиже, хотя на каждом навешано ее было больше десяти тысяч тонн. И, конечно, не в стрельбе заключалась их основная работа – она была в выдаче координат. Это была война калибров, брони и скоростей, без применения всяких каверзных штучек типа управляемых торпед – честное соревнование со смертельным исходом. За «Сталина» было шесть 457-миллиметровых, двенадцать 152-миллиметровых и восемь 100-миллиметровых орудий, не считая малокалиберной артиллерии, которую в борьбе таких монстров можно было не учитывать. А против него в боевом отряде Гриценко значилось: девять 406-миллиметровых, восемнадцать 305-миллиметровых, двадцать восемь 152-миллиметровых и двадцать четыре 100-миллиметровых, опять же не считая мелочи. Явное превосходство преследователей не требовало доказательств для любого оппонента, владеющего начальными навыками арифметики.

Больше всего Гриценко опасался, чтобы к этому избиению сотоварищей не присоединились посторонние. Нужно было планомерно и методично бить своих, дабы чужие боялись. Даже корабли типа «Айова», не говоря уж о мощнейших «Миссури», вмешавшись, могли испортить все дело. Но, конечно, более всего он побаивался американской палубной авиации. Это понимал и Сергеев, а потому расчеты десяти башен счетверенных 37-миллиметровых автоматов с тревогой наблюдали за небом. Бог знает, о чем думали там, на «Сталине», может, действительно ожидали помощи оттуда, да только силы по-прежнему были не равны.

– Товарищ адмирал, – обратился к Гриценко запыхавшийся посыльный радист, – получено сообщение с линкора «Иосиф Сталин». Оно идет непрерывно, открытым текстом по нескольким частотам.

Гриценко взял распечатку. Революционные призывы с точностью до наоборот, вот что там содержалось. Новой информацией была фамилия подписавшего: капитан первого ранга Уфимцев Владимир Васильевич. Когда-то давно он видел этого человека мельком на флотской партийной конференции. Низенький, подвижный офицер, смеялся много по всякому поводу. Гриценко не дочитал, со злобой скомкал бумагу.

– Капитан Сергеев! – позвал он отошедшего в сторону начальника корабля. – Распорядитесь включить аппаратуру «глушения» на полную катушку. То же самое пусть произведут на «Сталинграде» и «Ленинграде».

«Значит, вы решили очиститься от скверны, товарищ Уфимцев, – прокомментировал про себя Гриценко, – и ради этого очищения вы считаете возможным новейший боевой корабль, снаряженный ракетами, о которых даже я не знаю, сдать янки? Веселый у вас патриотизм, бывший коммунист Уфимцев. Что же заставило тебя воевать со своими, партийный активист?» Гриценко понимал, что, наверное, никогда не узнает ответа на этот вопрос. Можно только догадываться.

А морская трагедия шла своим чередом. Первым потерял ход «Ленинград», вместо способности держать скорость тридцать три узла он едва смог делать пятнадцать – взорвался один из котлов. Постепенно он отстал, и его орудия перестали участвовать в соревновании. Лишь главные калибры могли теперь бить за горизонт по целеуказаниям со второго тяжелого крейсера. Это изменило соотношение сил в пользу «Сталина», можно сказать, почти сравняло силы, но слишком много повреждений он уже получил. Теперь нельзя было так просто сосчитать участвующие с его стороны орудия. А возможно, и с самого начала он не задействовал полный список наличных пушек. И неизвестно, вся ли более чем двухтысячная команда поддержала своего командира.

Славный это был корабль – «Иосиф Сталин», и умирал он величаво. С преследующего по пятам «Сталинграда» могли наблюдать его героическую кончину. Он уже был окутан дымом, и во многих местах вырывались наружу огненные языки. Одна из двух труб была снесена, словно срезана ножом; пыхнул жаром, еще в самом начале, самолетный ангар на корме; неизвестно что творилось внутри корпуса. Однако тонуть он вовсе не собирался, слишком надежна была его расположенная ниже ватерлинии противоминная защита – лучшая в мире.

Когда преследуемый снизил скорость, возможно, имея повреждения котлотурбинной установки, «Советской Украине» стало намного легче целиться за горизонт. И тогда избиение пошло интенсивнее. Еще через полчаса «Сталин» окончательно остановился. Вот тогда Гриценко, следуя инструкции, вышел на связь со штабом флота.

«Объект потерял ход. Почти полностью израсходованы снаряды главного калибра. „Ленинград“ серьезно поврежден. Жду указаний».

И они пришли.

«Продержитесь у противника еще сорок минут. В переговоры не вступать, помощь не оказывать. К вам идут подводные лодки. Они знают, что делать».

«Вот и все, Владимир Васильевич Уфимцев, – подумал адмирал Гриценко, – не успели вам помочь ваши любимые империалисты. Надо будет не забыть распорядиться, чтобы на ужин всем выдали спиртное».

А безразличное солнце еще даже не собиралось падать за горизонт – день был в самом разгаре.

30

Идентификация

Но во Владивостоке они не нашли не только обелиска или мемориала, не только ни одного человека, слышавшего что-нибудь о нем, но даже самого места. Там, где должен был находиться обелиск, громоздились аккуратные корпуса японского завода по переработке рыбы.

И одновременно к Панину пришла новая информация, раскопанная начальником спецгруппы майором госбезопасности Воронкевичем: «Обнаружен единственный подходящий кандидат для идентификации с Адмиралом – Гриценко Павел Львович, год рождения 1917-й, в ВМФ с 1934-го, по нынешней классификации – старший лейтенант флота, погиб в сухопутных боях под городом Таллином двадцатого июля сорок первого года.

Жена Павла Гриценко находилась в блокированном Ленинграде. Скорее всего, умерла от голода. Детей у них не было.

Какая-либо информация о родителях отсутствует».

Панин не стал говорить Адмиралу о такой новости, только за ужином поинтересовался:

– Все хотел у вас узнать, Павел Львович. Вы ведь из таких давних времен. Кто были ваши родители?

– Я, к сожалению, не имею об этом никакого представления. Я воспитывался в детдоме и всем, чего добился, обязан советской власти.

Часть вторая

Ближкий метагалактический пузырь

*Сколько б ни предпринимали армии
Контратак, прорывов и бросков,
Все равно на каждом полушарии
Поровну игрушечных бойцов.
Будут и стихи, и математика,
Почести, долги, неравный бой.
Нынче ж оловянные солдатики
Здесь, на старой карте, стали в строй.*

Владимир Высоцкий

1

Геополитика

На лике планеты существуют точки, в которых сходятся векторы геополитических интересов огромных человеческих групп.

Одной из таких точек является Юго-Восточная Азия.

Разнообразен здесь климат и сосредоточены богатства несметные, и живет здесь бесчисленное множество народов и племен, принадлежащих к различным расам, а еще здесь проходят торговые пути сухопутные и морские. И есть несколько ключей-отмычек для господства здесь пришельцев из-за великого океана, по крайней мере так считают сами пришельцы. Например, издавна повелось у колонизаторов считать главной отмычкой южный выступ Юго-Восточной Азии – Вьетнам. Является он естественным плацдармом для дальнейшей экспансии на континент и одновременно отделен горами от соседей, что делает его природной крепостью. Из района многорукавной дельты большущей реки Меконг можно контролировать Южно-Китайское море. Можно грозить Китаю и нависать над Индонезией. Можно отсюда брать голыми руками Лаос с Камбоджей и тем обеспечивать тыл дружественному Таиланду, напирющему на болотистую Бирму, а затем, уже с нового плацдарма, смотря по обстановке, грозить Индии или поддерживать Цейлон. В общем, окружать с юга вершину мира Гималаи и пытаться обрести гегемонию в Индийском океане, а там, в дальней перспективе, отсекают от Советов Южное полушарие. Так что, согласно таким рассуждениям, Вьетнам действительно ключик, причем ключик золотой. Да и традиция, сами понимаете. Кто только не бился за Вьетнам, кто только не пытался завоевать его. Бывали здесь китайцы, монголы зубы обломали, французы хозяйничали, пока сами в собственной метрополии под немцами не оказались; СССР поддержал революционный процесс и создал Северный Вьетнам, ну а теперь вот пришла очередь американцев.

Шел тысяча девятьсот шестьдесят седьмой.

2

Доклад

«История выделила нам слишком мало времени. Народы мира не могут спокойно смотреть, как строй, сам обреченный историей на гибель, желает затащить с собой в могилу все человечество. Все прогрессивные тенденции мира вынуждены притормаживать, оглядываться на империализм. Мы, военные, как никто понимаем, откуда исходит угроза миру. Сейчас империалисты бросили все силы на техническое перевооружение своей армии и флота. Пользуясь временным преимуществом в некоторых областях прикладных наук, бесчестно воруя у социалистических стран их достижения, западные реакционные круги начинают обходить наши вооруженные силы по некоторым отдельным качественным показателям. К примеру, американские подводные ракетноносцы – „убийцы городов“, как правильно обозвали их демократические силы в самих Соединенных Штатах, продолжают плодиться, растет число их типов, и каждый из них становится все более совершенным. Напомню присутствующим известные истины. На сегодня американский флот располагает лодками – носителями ядерного оружия – типа „Дж. Вашингтон“ – пять штук, типа „Этен Аллен“ – пять штук, типа „Лафайет“ – восемь штук, и наконец, недавно введена в строй первая лодка серии типа „Дж. Мэдисон“. Каждая из этих лодок несет на своем борту по шестнадцать баллистических ядерных ракет. Дальность полета этих ракет более четырех тысяч миль. Представляете, какая это опасность? Более того, Соединенные Штаты начали вооружать подобным оружием своих союзников. Так, по добытым разведкой данным, на американских верфях заканчивается строительство лодки „Резолюшн“, созданной по заказу и вроде бы по проекту Великобритании. В ближайшее время начинается перевооружение „убийц городов“ новыми ракетами повышенной дальности. Кроме того, они обладают совершенно новым свойством – разделяющимися боеголовками. Предположительно – до трех штук в каждой ракете. После полного перевооружения, даже без учета достроенных за это время субмарин, боевые возможности ПЛАРБ возрастут в три раза. Надо сказать, что СССР, ведя миролюбивую политику и желая собственным примером доказать поджигателям войны возможность мирного сосуществования государств с различной общественной структурой, пока не приступал к строительству подобных подводных чудовищ.

Империалисты Нового Света, видимо, решили, что, прикрываясь разрушительными возможностями своих ракетноносцев, они могут творить в мире все, что угодно. Все мы являемся свидетелями резкого обострения войны в Индокитае. Начавшись в Южном Вьетнаме, она распространилась на всю страну, и даже на две прилегающие – Лаос и Камбоджу. США и их союзники: Таиланд, Малайзия, Филиппины, Тайвань, Новая Зеландия и так называемая Южная Свободная Австралия – не только ввели свои войска на территорию трех независимых стран, но подвергают их чудовищным, опустошительным бомбардировкам, а с недавних пор – химическим и бактериологическим атакам. На наши призывы, на увещевания других великих стран, в том числе Китайской Народной Республики или Индийского Социалистического Союза, империалисты отвечают категорическим «нет». Пришла пора оказать народу Вьетнама реальную помощь.

До сегодняшнего дня война в Юго-Восточной Азии велась только на суше. Военно-морские авианосные группировки оставались вне зоны воздействия Освободительной Армии Вьетнама (ОАВ). Пора перенести боевые действия на море. Достигнута предварительная секретная договоренность с КНР и Социалистической Республикой Индонезией. С их стороны не только не последует возражений против нашего участия в событиях, но будет оказана братская поддержка, хотя вооруженные силы этих стран непосредственно задействованы не будут. Хочу напомнить, что, как и прежде, СССР придерживается принципа неприменения ядерного оружия первыми. Наш удар будет носить ограниченный характер. Цель – уничтожение американ-

ских авианосных соединений и военно-морских баз в Южно-Китайском море и на этой основе – создание благоприятных условий для наступательных действий ОАВ.

Спасибо за внимание, товарищи офицеры, генералы и адмиралы.

И да здравствует наша партия, вдохновитель и организатор всех наших побед! (Бурные аплодисменты.)».

Стенограмма доклада министра обороны.

А беспечные американцы продолжали ломать собственные зубы, пытаясь отхватить челюстями ломоть побольше.

3

Мечты

Думаете, это было упоительное занятие, захватывающее все мозговые клетки и влекущее их вперед по восходящей спирали удовольствия? Не угадали. Это была простая будничная работа! Не каждому выпадает в жизни счастье владеть такими буднями, но бывают, оказывается, исключения. Тем не менее, несмотря на ее обыденность, работа была интересная, поучительная и высокоэффективная. Называлась она – ковровая бомбардировка.

Ковры когда-нибудь выбивали? Нет, не пылесосом, а так, чтобы рука потом болела, а в горле першило? Вот и здесь аналогично, только колотушка помассивнее – все на автоматике. И ковер наш – цветущая поляна, сосны-великаны, а может, пальмы, иногда – рукотворные объекты, но с высоты все так и сливается в цветастый узор. Да и тот видеть некому, потому как из шести человек экипажа четверо следят за приборами, а двое сквозь стекло бронированное лицезреют пустоту контролируемого неба. Прибор, которым проводится это «пылевыбивание», то бишь ковровая бомбардировка, называется «Стратофортресс», по-иному – «Б-52». Размеров он приличных – сорок восемь метров в длину, а в ширину крыльями размахивается на пятьдесят семь метров. Двести двадцать тонн поднимает и еще тонну сверху. Силен!

Конечно, основной его вес – горючее, но и на дело остается порядочно. Тридцать четыре тонны бомб не хотите? Но это, конечно, на лучших модификациях, много их наплодила неистощимая на пакости инженерная мысль Запада. При ковровой бомбардировке вся эта груда взрывчатки валится с десятка километров, немножечко рассеивается и создает сплошную полосу пылегазовой взвеси шириной двести пятьдесят, а длиной пять тысяч метров. И никаких атомных бомб, все быстро, четко, аккуратно – внутри прямоугольника жизни не остается, сплошная стерильность. И не забывайте, «Стратофортресс» один не летает, они ходят стадами. Поэтому прямоугольников получается много и ложатся они вплотную – знаки для марсианских телескопов: «Геометрию выучили, скоро начнем алгебру! Ждем ответа! Прием!» Не угнаться за нами никаким марсианам, они свои каналы-то четко обозначить никак не могут, а туда же – на звание разумного вида галактики претендуют.

Бон Сальдерс очень любил свой гигантский бомбардировщик, привык к нему за несколько лет. Много тысяч миль они с ним отмахали, как та тройка «Стратофортрессов», в январе пятьдесят седьмого попытавшаяся облететь беспосадочно мир, но сгнувшая у мыса Доброй Надежды, предположительно, не без помощи русских. И к экипажу Бон Сальдерс терпелся, сносные, не нудные ребята оказались его подчиненные. В общем, все в жизни оставалось в норме, но одна мечта подполковника Бона Сальдерса никак не исполнялась: вот уже второй год они вгоняли Северный Вьетнам, Лаос и Камбоджу в каменный век, а правительство все не решалось на главный шаг – мечту юности Бона. Мечта Бона была связана с его кумиром – полковником Тибетсом, сбросившим победную бомбу на Окинаву в тысяча девятьсот сорок седьмом году. Да, президент Трумэн был решительным человеком. Правда, потом обделался, побоялся устроить русским то же самое, что «желтопузым» самураям. Да, да, Бон Сальдерс мечтал сбросить на Вьетнам (все равно какой: Северный, Южный) две большие ракеты «Хаун Дог», такие, с которыми он патрулировал когда-то вблизи Аляски. Если их запустить с высоты Эвереста, то пройдут они как пить дать тысячу сто км, никак не меньше. Хорошая штука «Хаун Дог». Вначале она несется вверх, а уже после уходит ниже, когда подлетает к цели. Да, у Советов есть теперь средства, способные ее сбивать, но у желтых вьетконговцев ни черта нет. Делаем что хотим, даже простыми бомбами. Надо лишь соблюдать элементарные правила безопасности – держаться повыше огня их зениток.

Поэтому, тайно страдая, Бон Сальдерс продолжал выполнять сегодня свое нехитрое ратное дело по «защите демократии» – ковровую бомбардировку. Выйдя в нужную точку, он

отработанным, плавным движением открыл бомболюки, сопроводив свое действие неизменной присказкой для поднятия духа экипажа: «Внимание, Вьетконг! Примите срочную контрабанду! Распишитесь вот здесь! Благодарю!» И залился счастливым смехом, только кислородная маска мешала, смех звучал неестественно. Это была плата за высоту, недоступную пернатым.

А туда, в не видимые с рабочего места Бона низины, мчались наперегонки тридцать четыре тонны боеприпасов. Десять километров – очень небольшое расстояние, если двигаться с постоянным ускорением.

Бон Сальдерс еще не знал, что очень скоро, в следующем рейсе, он осуществит имитацию своей мечты, ее маленькую уменьшенную модель. А сейчас, медленно разворачивая гигантскую машину по титанической дуге, Бон вместе с подчиненными исполнял песню «Первым делом, первым делом самолеты», только в ее английской версии и с текстом другого содержания, однако общий настрой совпадал.

4

Черепашьим темпом

Медленно, не торопясь, не потому, что не умели быстрее – умели, да только ресурс их не позволял наслаждаться скоростью долго, – подводные лодки-носители приближались к запланированным позициям. Их скорость под водой была всего два узла, смешная цифра для шагающего по планете атомно-ракетного века. Шел тысяча девятьсот шестьдесят седьмой, но эти советские лодки, значащиеся во враждебном Пентагоне под кличкой «Виски с содовой», были переделкой-модернизацией лодок-аналогов «Виски», первая из которых сошла со стапелей в городе Горьком в тысяча девятьсот пятьдесят первом году и строилась с использованием достижений периода Второй мировой. Советский Союз не стал к началу пятидесятых страшно богатой страной. Слишком крупное увеличение подвластной территории сыграло с ним злую шутку, по крайней мере на первоначальном, все никак не желающем кончаться, этапе. А поэтому подводные лодки, будучи относительно недорогим наступательным оружием сравнительно с авианосцами, выпускались громадными сериями. Правда, после освобождения Японских островов от имперских милитаристов СССР заказал несколько авианосцев типа «Синано», но ведь одно другому не мешает? К тому же лодок «Виски» было построено столько, что они могли вполне затмить авианосное оснащение любого «Синано», их было наварганено ни много ни мало двести пятнадцать штук. Только экипажа на них требовалось более одиннадцати тысяч человек. Одно наличие такого числа подводных субмарин, причем только одного вида, наштампованных всего за пять лет, – согласитесь, даже это может объяснить относительную скромность жизни большинства советских людей. Но мы тут не о быте, мы тут о другом.

Лодки «Виски с содовой» («ВиС») шли не торопясь, всего две мили в час, потому как толкали их вперед винты, крутящиеся от аккумуляторов. Зато в отличие от своих недоработанных аналогов, теперь почти полностью раздаренных дружественным странам победившего социализма Африки, Азии и Австралии, они умели прокатиться с этой улиточной скоростью не на двести шестьдесят, а целых четыреста миль. Вообще, если бы такие лодки появились где-нибудь в сороковом, им бы цены не было, но время таких медлительных каракатиц миновало. По крайней мере, так думали многие. Но знаете, что такое человеческая скупость? Потом кто-то умный, думающий по-коммунистически – наперед, подвел итоги: оказывается, переделка старья обходилась всего на одну шестую дешевле изготовления новехонькой субмарины с учетом достижений научно-технического прогресса. Однако основная суть доработок этой подводной боевой колесницы заключалась, конечно, не только в удлинении ее корпуса. Главное было в несомом на верхней палубе оружии. Это были уже не торпеды, не торопясь ныряющие в волнах и сильно любящие шумы проходящих мимо кораблей, нет. Это были крылатые ракеты! Четыре штуки на каждой «Виски с содовой», и все в своих гнездышках-контейнерах! Многие десятки километров стремительного полета ждало их в запланированной точке расставания с носителем. Одна только у них была беда: их лодочка для запуска всплывать была должна. Да, это действительно было несчастьем, гигантским риском для экипажа, всплывать среди бела дня среди контролируемой противником акватории.

У «ВиС» аккумуляторы уже почти сели. Как уходить от погони? Может, под шноркелем? Это такая труба, торчащая из воды над лодкой, в которую засасывается атмосферный кислород для дизеля. Давно–давно, году эдак в сорок втором, самолетный радиолокатор ловил на экран шноркель за двадцать миль. Что говорить о конце шестидесятых? А здесь, в Южно-Китайском море, янки держали пять авианосцев, не говоря о наземной авиации в Южном Вьетнаме или на Филиппинах. Конечно, «ВиС» после пуска были обречены, обречены наверняка, если бы...

Вы думаете, эти несчастные пятьдесят пять «Виски с содовой», три четвертых оставшихся у СССР вообще, после раздачи подарков бедным странам социориентации (остальные

в данный момент несли службу в тяжелых климатических условиях Северного и Норвежского морей) – это было все, что брошено в бой? Пятьдесят пять «ВиС», да по четыре ракеты, итого – двести двадцать стремительных птичек, направленных на сушу и море для истребления вражеских полчищ, баз, аэродромов и кораблей – это довольно мало, война-то все же не ядерная запланирована. Тем более что, например, по базе еще попасть можно, она все-таки велика, а вот по кораблику? Что с того, что с ракетой телекомандная связь и, глядя на экран, оператор представляет себя космонавтом? Ведь вражеские авианосные левиафаны, обнаружив угрозу, не будут сидеть на месте, начнут помехи ставить, пулеметы многоствольные наводить, дымовой завесой маскироваться, истребители дежурные пулять навстречу. Тут такое начнется...

Нецелесообразно вот так просто обречь на уничтожение пусть устаревшие, но все же годные на что-то подводные лодки. Все-таки это как-то негуманно так жестоко списывать лодки на металлолом, да еще вместе с экипажем, который к тому же мучился больше недели без всплытия от самого острова Калимантан...

Чем можно было помочь усовершенствованным «Виски»? Правильно, математикой. Уменьшить вероятность поражения каждой конкретной субмарины за счет увеличения количества нападающих. Решить качественное отставание за счет вала – решение, известное с древности. Вот поэтому, на чуть большей глубине, чем «ВиС», поскольку из более качественной стали сооружались, в толще океана перемещались «Джюльетты». Это были тоже дизельные, но специально предназначенные для крылатых ракет субмарины. Правда, как ни напрягалась советская экономика, она все же не смогла сотворить их более шестнадцати штук. Здесь были представлены все наличные – пятнадцать. Одна давно лежала в глубине Венесуэльской котловины Карибского моря под давлением пятьсот шестьдесят пять атмосфер. В каком состоянии она там обреталась, известно не было – после того как остров Куба и остров Гаити в шестьдесят втором году превратились в радиоактивную пустыню, любителей нырять в зоне Больших Антильских островов не находилось. Правда, «Джюльетты» не могли сильно помочь доработанным «Виски», они сами несли всего по четыре ракеты, к тому же плавали под водой не намного быстрее и даже менее далеко. В сущности у них имелось только одно важное преимущество – они стреляли более точно, поскольку могли поддерживать связь со специальными самолетами-разведчиками, базирующимися на Суматре. Увы, для стрельбы ракетами им тоже нужно было всплывать. Вот только, в отличие от устаревших «Виски», у них не имелось артиллерии для самозащиты. Но такова была жизнь. Сель-ля-ви, как говорят французы. Кстати, последних к делу наказания заокеанских агрессоров не приобщили. Исход дела решала секретность и внезапность осуществления замысла, поэтому даже с европейскими союзниками планы не согласовывались, по крайней мере на предварительном этапе. Ну, а во-вторых, после возвращения власти в Париже коммунистам, впервые после тысяча восемьсот семьдесят первого года, всем бывшим колониям была дарована свобода и независимость.

Теперь о раскладке сил для удара по авианосным соединениям, осуществляющим агрессию в Индокитае. Конечно, ограничить силы только дизельными лодками в атомный век было бы просто преступно. Именно поэтому русские субмарины-ракетоносцы с реакторами участвовали здесь тоже. Но им, слава партии, не нужно было так долго подкрадываться к агрессорам, они ведь могли развивать под водой до двадцати девяти узлов, а это не шутка. То, на что их дизельные друзья тратили неделю, они могли преодолеть менее чем за сутки, а потому ждали своего часа вдали от явной опасности. В час «икс» они должны были ворваться в Южно-Китайское море с севера, беря морскую вражескую группировку в кольцо. Да, их было не очень много, лодок с атомными двигателями, называемыми в Вашингтоне «Эхо-1» и «Эхо-2», наверное, за их большую шумность. У страны, идущей к коммунизму семимильными шагами, их значилось тридцать четыре штуки. Тем не менее было бы глупо оголять другие районы океана совсем, поэтому в деле находилась только половина атомоходов, вооруженных крылатыми ракетами – «убийцами кораблей». Зато несли они кто по шесть, а кто по восемь ракет. Не все

они были предназначены для первого удара, некоторые были с ядерной боевой частью и посему были заряжены на всякий случай. Случаи ведь действительно бывают всякие: от этих империалистов, поджигателей войны, всего можно ждать. Но, к великому сожалению всех нас, им тоже нужно было выныривать наружу для произведения пуска. Огромное достижение науки – атомная лодка проекта «Анчар», несущая десять крылатых ракет, способных стартовать из-под воды, начатая разрабатываться передовой конструкторской мыслью в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году, – до сих пор не была доведена до ума и все еще покоилась на стапелях. А ведь она была так нужна сейчас. За ее отсутствие, точнее за отсутствие ее вместе с теоретически возможными сестрами, приходилось платить большую цену – в человеческих жизнях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.